



NATURA CUPIDITATEM INGENUIT HOMINI VERI VIDENDI
Marcus Tullius Cicero
(Природа наделила человека стремлением к познанию истины)

Мысли Об Истине

Альманах «**МОИ**»
Электронное издание, ISBN 9984-688-57-7

Альманах «Мысли об Истине» издается для борьбы с лженаукой во всех ее проявлениях и в поддержку идей, положенных в основу деятельности Комиссии РАН по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований. В альманахе публикуются различные материалы, способствующие установлению научной истины и отвержению псевдонаучных заблуждений в человеческом обществе.

Альманах издается с 8 августа 2013 года
Настоящая версия тома выпущена **2016-01-08 (препринт)**

© 2014 Марина Ипатьева (оформление и комментарии)

Марина Ипатьева. Сущность гипноза

§1. Введение

В пяти предыдущих выпусках нашего альманаха была помещена «Хрестоматия по гипнозу»:

- 1) МОИ [№ 8](#): *Гирам Джаксон*. «Курс гипнотизма и месмеризма»; *Эмиль Бертрам*. «Личный магнетизм и гипнотизм»; *Джеймс Коатс*. «Гипнотизм и его практическое значение».
- 2) МОИ [№ 9](#): *Бехтерев В.М.* «Гипноз. Внушение. Телепатия».
- 3) МОИ [№ 10](#): *Леон Шертюк*. «Гипноз: теория, практика и техника».
- 4) МОИ [№ 11](#): *Кондрашов В.В.* «Всё о гипнозе».
- 5) МОИ [№ 12](#): *Ротенберг В.С.* «Сновидения, гипноз и деятельность мозга».

Эти работы дают представление о том, как на гипнотизм и его сущность смотрела наука за последние полтора столетия. Эти взгляды можно охарактеризовать такими изречениями приведенных авторов:

Леон Шертюк: «Но и сегодня еще нам неизвестна подлинная природа гипноза. Все предложенные до настоящего времени теории лишь частично объясняют ее».

Виктор Кондрашов: «Специалисты всего мира по психологии, медицине и биологии находятся в поиске ответа на вопрос: «Что такое гипноз?»»

Вадим Ротенберг: «Гипноз – мост к непознанному».

Предпринимая перепечатку в нашем Альманахе этих обширных материалов, я объявила (МОИ [№ 7](#), стр.2), что делаю это с целью противопоставить отображенным в Хрестоматии концепциям гипноза ту концепцию, которой сама придерживаюсь вслед за своим наставником Валдисом Эгле и которую дает Веданская теория (ВТ), основы которой были освещены в выпуске МОИ [№ 6](#), а философские основы в МОИ [№ 7](#), стр. 70.

Теперь настало время завершить это намерение о противопоставлении концепций – и дать объяснение гипнозу с точки зрения ВТ. Этому вопросу целиком посвящен весь настоящий выпуск (№ 13) альманаха МОИ.

Вслед за Паскалем я могу сказать, что у меня не было времени написать короткое сочинение, поэтому я пишу длинное. Противопоставление концепций о гипнозе осуществляется путем комментирования различных мест из текстов Хрестоматии. Для такого комментирования нередко нужно предварительно объяснить те или иные положения ВТ. Тогда такие объяснения приводятся в соответствующих параграфах.

Но в принципе я не старалась в этом томе создать единый, логически организованный рассказ; наоборот, каждый параграф в общем-то представляет собой отдельный маленький рассказик о том или ином предмете, и эти рассказы в настоящей книге просто сложены вместе и более менее упорядочены в порядке всё возрастающих требований к знаниям о ВТ.

§2. Критерий удовлетворительной концепции

В первую очередь нам нужно определить, КАКУЮ концепцию (гипноза и любых других психологических феноменов) мы будем считать удовлетворительной и какие концепции – неудовлетворительными, т.е. – необходимо выдвинуть критерий оценки концепций.

В ВТ такой критерий давно существует и применяется ко всем явлениям психической и интеллектуальной деятельности человека. Этот критерий можно сформулировать так:

Теоретическая концепция психический феномен объясняет удовлетворительно тогда, когда она показывает принцип, по которому данный феномен можно встроить в искусственно созданном роботе.

Это относится и к феномену гипноза. Концепцию, объясняющую гипнотизм, мы будем считать удовлетворительной тогда, когда эта концепция будет показывать, КАК – не в деталях, а

в принципе, – мы гипнотические явления можем встроить в искусственно созданном субъекте (условно именуемом «роботом»).

Легко видеть, что в Хрестоматии (да и во всей литературе, какую я когда-либо видела) нет и намек на ТАКУЮ постановку вопроса. Поэтому все существовавшие прежде и существующие ныне концепции (теории) гипноза мы вынуждены признать неудовлетворительными.

Веданская теория дает, видимо, первую в мире концепцию, объясняющую гипноз (как и все другие психические и интеллектуальные феномены) с ТАКИХ позиций (т.е. с позиций не наблюдателя, не исследователя, не философа, – а конструктора).

Из такой позиции вытекает и основной метод Веданской теории: это не эксперимент, не исследование, – а проектирование систем. «Заказчиком» (в роли которого может выступить читатель) заданы требуемые параметры системы (в данном случае: чтобы в системе наблюдались все феномены гипнозизма). А от конструктора (в роли которого выступают авторы ВТ) требуется спроектировать систему так, чтобы она удовлетворяла всем заданным параметрам.

Это обычная и типичная постановка вопроса при проектировании программных систем в компьютерном деле. ВТ только переносит этот прием из области проектирования компьютерных систем в область «проектирования» человеческой психики и интеллекта. Это и есть уникальный (специфический) метод познания в Веданской теории.

Можно спросить: «А осуществим ли этот метод в отношении человеческой психики?»

Но очевидно ведь, что это является проблемой не «заказчика», а конструктора. Если это не осуществимо, то конструктор просто не сможет создать проект системы с указанными «заказчиком» параметрами. (В нашем случае: тогда не будет концепции гипноза, построенной по данному методу).

Реально же концепция будет представлена – и не далее, как в этом же томе ниже. Но тогда возникнут два других вопроса:

1) «Проект-то есть, но реализуем ли он на практике? Действительно ли можно по нему построить реальную, работающую систему?»

2) «А где гарантия, что человеческая психика действительно работает именно по тем принципам, которые встроены в наш Проект? Где гарантия, что между Проектом и человеческим мозгом есть реальное соответствие?»

На первый вопрос можно дать в общем-то только один ответ: «Давайте попробуем реализовать Проект, построить Систему!». (Речь, конечно, идет не о построении Системы, способной только к гипнозизму, а о создании Системы с полной психикой, которая по мощности эквивалентна человеческой). Но при попытке реализации такого проекта возникнет много проблем, в том числе финансовых (кто оплатит это?) и этических: ведь в случае успешной реализации Проекта была бы создана Личность, эквивалентная человеческой, и прекращение эксперимента будет равносильно убийству!

Так что реализация Проекта – это целый отдельный комплекс проблем, которого мы здесь абсолютно не касаемся. Мы выносим на обсуждение только принципы проекта – и не более того.

На второй вопрос можно ответить так. Вообще это вопрос постулата: какую модель мира вы принимаете. Или вы принимаете постулат, что человеческая психика представляет собой нечто отдельное от материального мира (душа и т.д.), или же вы принимаете постулат, что психическое сводимо к материальным процессам. Разумеется, ВТ базируется на втором постулате.

И если принят этот второй постулат, если мы руководствуемся ТАКОЙ моделью мира, то вообще-то остается очень мало возможностей для НЕ совпадения нашего Проекта с реальностью человеческого мозга. Если требуется сделать какую-нибудь определенную вещь (требуется от нашего Конструктора или требуется от Творца в виде естественного отбора), то, как правило, техническая реализация этой вещи может отличаться в деталях, но сам ПРИНЦИП этой вещи обычно возможен только один. (Ну, например, если требуется поднять тело в воздух, то надо дать ему крыло, верхняя поверхность которого будет длиннее, чем нижняя – и никуда от этого принципа не денешься).

Аналогично и при проектировании информатических систем глубинной принцип решения технической задачи остается одним и тем же во всех реализациях – особенно если речь идет о принципе наиболее эффективной реализации. Вот, на этом и основывается наша уверенность, что наш Проект и проект Творца, реализованный им в человеческом мозге, – совпадают в своих основных принципах.

§3. Две начальные проблемы

Итак, ситуация следующая. Мы имеем Систему (человека); в этой Системе наблюдается большое множество различных феноменов, в том числе группа феноменов, получившая название «Гипноз». Мы являемся специалистами по конструированию различных систем, и в том числе способны сконструировать также и данную Систему (т.е. человека). Нас спрашивают (допустим, спрашивает Читатель): «Как должна быть устроена Система, чтобы наблюдался такой феномен, как Гипноз?».

Ответ на этот вопрос нам известен, но, чтобы его сформулировать «на бумаге» (в тексте файла), нам нужно предварительно решить две проблемы:

1) Что Читатель знает вообще об устройстве Системы – именно о ее устройстве с точки зрения Конструктора? Какие знания мы должны считать уже известными, и какие должны здесь объяснять как неизвестные?

2) Какие, собственно, феномены Читатель включает в понятие «Гипноз»? Что конкретно требуется объяснить?

По первой проблеме дело такое: устройство человеческой психики с точки зрения ее конструирования описывалось Валдисом Эгле в различных сочинениях множество раз, и если я в этом сочинении начну всё это повторять, то мы дойдем до гипноза в лучшем случае в конце третьего тома (а то и вообще никогда не дойдем). Поэтому я вынуждена считать, что всё это Читателю уже известно.

На самом деле я, конечно, понимаю, что, как правило, Читателю это НЕ известно. И, тем не менее, мне приходится притворяться, будто думаю, что известно, и строить настоящий рассказ, исходя из этой предпосылки. Значит – в дальнейшем в качестве основной предпосылки считается, что Читателю известно принципиальное устройство человеческой психики как информатической системы. В данной работе НЕТ цели изложить эту концепцию заново и полностью.

Но, учитывая то обстоятельство, что на самом-то деле знания Читателя в этой области весьма слабы, в тексте по возможности всё-таки делаются дополнительные отступления с объяснениями.

По второй проблеме мы в данном вопросе встречаемся с типичной для психологии ситуацией: с классически инфантильным подходом, когда сначала существует слово, а потом ищут, что оно, собственно, означает.¹ Так, в психологии употребляется слово «сознание», и, вот, начинают до бесконечности разбираться, что же такое сознание. Есть слово «бессознательное», и так же до бесконечности разбираются, что же такое бессознательное. (А на самом деле оба эти слова надо просто выкинуть из лексики – по крайней мере из научной лексики – и разговаривать о тех объектах, которые существуют реально). И таких неопределенных терминов в психологии множество.

Мы пошли бы по (традиционно) инфантильному пути, если бы теперь стали разбираться: «Что же такое гипноз?». Но мы не пойдем по этому пути, и вместо (вообще) «понятия Гипноз» разберем ряд конкретных феноменов, традиционно относимых к «гипнозу». Будем считать, что мы объяснили, что такое «гипноз», если мы объяснили механизм действия следующих феноменов:

1. **Гипнотический транс** (в чем состоят изменения в мозге, когда тот переходит в состояние т.н. «транса»);

2. **Постгипнотическая амнезия** (как может быть, что субъект не помнит, что с ним было в трансе, но легко вспоминает это в следующем сеансе гипноза);

3. **Гипнотическое внушение** (каким образом может быть, что субъект воспринимает слова гипнотизера как действительную реальность);

4. **Постгипнотическая суггестия** (как после сеанса выполняются внушенные под гипнозом приказы);

5. **Каталепсия** (как можно превратить тело человека в «бревно», способное выдержать невероятные нагрузки).

Вот, когда мы разберем механизмы действия этих пяти феноменов, то и будем считать, что «гипноз» (гипноз вообще) нами объяснен. (Остальное – например, т.н. «животный магнетизм» – это уже «перышки», которые долетают потом).

¹ См. МОИ № 7, стр. 75.

§4. Гипнотический транс

Итак, считая, что Читателю известно принципиальное устройство человеческой психики, я объясняю, что такое «гипнотический транс»: это разрушение обычных («нормальных») внутри-мозговых динамических интерфейсов и установление других динамических интерфейсов.

Если интерфейсы только разрушаются (без установления новых), то человек (загипнотизированный) просто погружается в сон. (Обычный сон тоже есть разрушение динамических интерфейсов мозга, так что сходство, как правильно отметили многие авторы в нашей Хрестоматии, действительно большое).

Но простой сон (хоть и «гипнотический») нас мало интересует. Гораздо интереснее случаи, когда вместо разрушенных динамических интерфейсов устанавливаются новые интерфейсы – «нестандартные», не такие, как в обычном, в нормальном состоянии субъекта. Вот, состояние мозга с этими новыми интерфейсами и есть то, что в старой (неточной) психологии именовалось «измененным состоянием сознания» и «гипнотическим трансом».

Теперь попытаемся (до некоторой степени) объяснить то, что только что было сказано выше.

Согласно Веданской модели (см. МОИ № 6) человеческая психика реализуется некоторым набором (биологических) процессоров (или функциональных блоков – как уж их назвать). Между этими процессорами (блоками) существуют связи (передача информации от одного процессора (блока) к другому). Такие связи в компьютерной науке называются «интерфейсами».

Интерфейсы вообще бывают «жесткими», «физическими». Так, например, интерфейс в промышленном компьютере между самим компьютером и лазерным принтером осуществляется по кабелю, их соединяющему. В нашем организме жесткий интерфейс, соединяет, например, глаз и мозг – по зрительному нерву. Такие жесткие интерфейсы устанавливаются самой конструкцией Системы и не могут быть легко переиначены.

Но наряду с жесткими интерфейсами уже и в промышленных компьютерах существуют также интерфейсы динамические. Они не обусловлены самой конструкцией Системы, а устанавливаются работающими программами «по взаимному согласию». Две программы могут организовать взаимный интерфейс через определенные регистры, через общие поля памяти (оперативной или дисковой) и т.д. Такие интерфейсы в Системе возникают заново, некоторое время работают и опять разрушаются – поэтому и называются динамическими.

Веданская теория постулирует, что и в человеческом мозге существуют динамические интерфейсы (организованные, очевидно, через общие для двух блоков группы клеток). Когда человек просыпается (и приходит в «сознание»), в его мозге устанавливается определенный набор динамических интерфейсов между различными процессорами (блоками) мозга. Когда мы будем разбирать конкретные гипнотические феномены, то и коснемся некоторых из этих интерфейсов более подробно.

Сейчас же отметим только, что визуальная картина мира, которую мы видим, тоже есть результат установленного определенного динамического интерфейса – между блоком, поставляющим действительную визуальную информацию, и блоком, интерпретирующим эту информацию (см. Рис.1).

Мы практически постоянно двигаем головой (и наши глаза перемещаются). Кроме того, наши глаза постоянно совершают мелкие движения (тремор) даже при неподвижной голове. В результате изображение на сетчатке глаза непрерывно меняется – и причем меняется очень сильно (достаточно повернуть голову на 90°, и видимая картина будет абсолютно другой). Но, тем не менее, общая картина мира, которую мы видим, остается неподвижной.

Если мы на этот феномен смотрим глазами Конструктора, то нам ясно – такое возможно только в одном случае: интерпретирующий картину мира блок установил динамический интерфейс с поставщиком (фактической) зрительной информации, и в рамках этого интерфейса «корректирует» все фактические повороты головы и глаз.

Легко понять, что такой интерфейс должен основываться на «принципе разумной интерпретации», т.е. в хаосе зрительных сигналов выделяются определенные объекты, и потом отслеживается перемещение этих объектов в фактическом зрительном поле (на сетчатке и в дальнейшем отображении ее в мозге). Объекты (интерпретирующим блоком) принимаются за неподвижные (чем и обеспечивается неподвижность окружающей нас картины). Объект считается движущимся только тогда, если он перемещается по отношению к другим объектам (принимаемым интерпретатором за неподвижные).

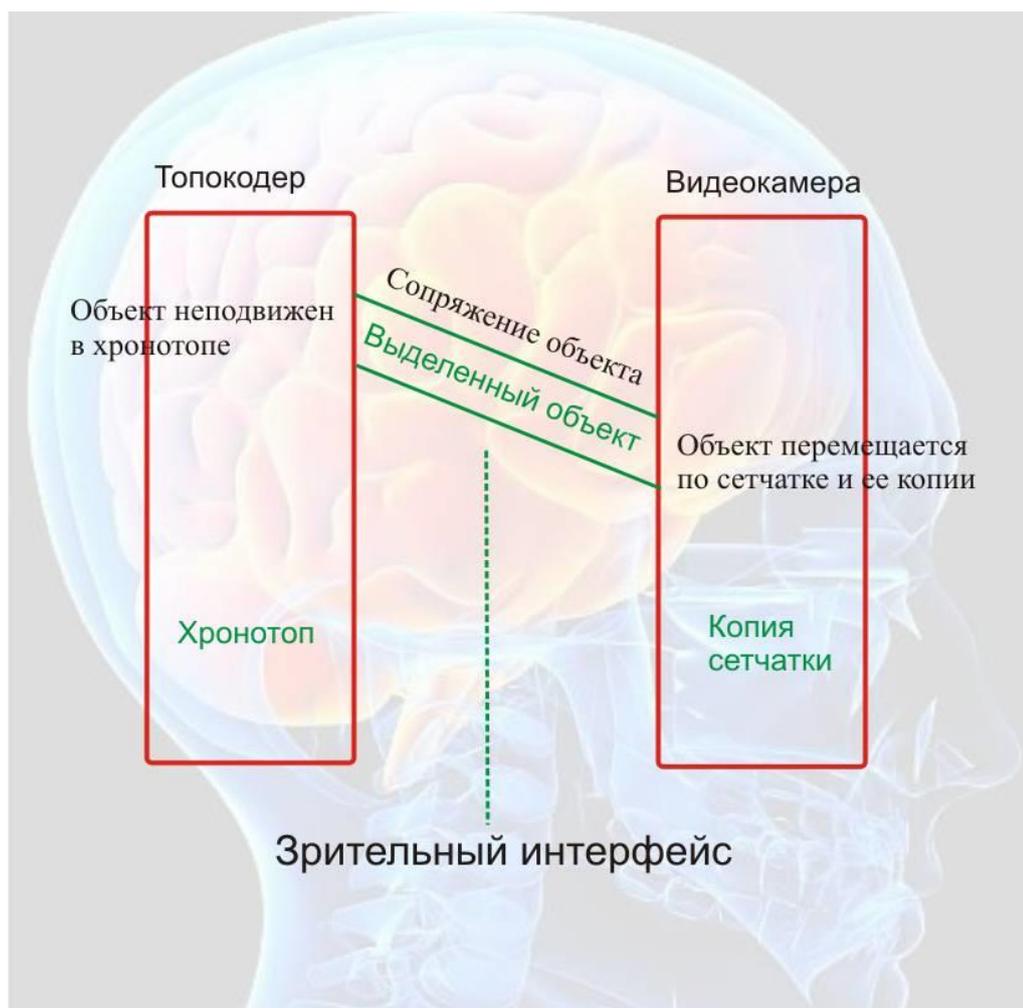


Рис.1. Принципиальная схема зрительного динамического интерфейса.

Процессор, поставляющий первичную зрительную информацию (на рисунке условно названный «Видеокамерой») создает структуру данных (на рисунке названную «Копией сетчатки»), и в этой структуре данных изображения объектов при малейших поворотах головы и глаз очень сильно перемещаются. Интерпретатор же этой картины (на рисунке «Топокодер») устанавливает динамическое сцепление с объектом в Копии сетчатки, отслеживает его и создает неподвижный его образ в Хронотопе (в продукции Топокодера). Наличие такого зрительного динамического интерфейса вытекает из программистских соображений при конструировании Системы. (Попробуйте сделать по-другому, когда Вы строите Робота, способного проделать то же самое, что делает человек!).

Если же нарушается этот зрительный интерфейс «разумной интерпретации», если интерпретирующий блок теряет способность корректировать фактические перемещения объектов в зрительном поле, то нам кажется, что все объекты начали двигаться, и мы говорим, что у нас «закружилась голова».

Как мы видели из Хрестоматии, в большинстве случаев «гипнотизирование» начинается с попыток в первую очередь разрушить именно этот «интерфейс разумной интерпретации» зрительной картины. Человека, например, заставляют долго и неподвижно смотреть на блестящий предмет. Легко догадаться, что при этом происходит: отслеживание объектов в фактической зрительной картине (копии сетчатки) прекращается (потому что взгляд неподвижный), даже само выделение объектов затруднено (потому что виден только блеск). В результате интерпретирующий картину блок теряет связь с поставляющей зрительную информацию блоком; разрушен самый главный динамический интерфейс мозга, и за этим легко следует разрушение и остальных динамических интерфейсов (поскольку целостность работы Системы уже нарушена).

В «гипнозе» применяются и другие способы разрушения динамических интерфейсов мозга. Например, очень показательны слова Джексона (МОИ № 8, стр. 36):

Употребительный метод. – Профессор подходит к краю эстрады и в тот момент, когда субъект ставит на нее ногу, он вдруг одной рукой наносит ему удар по затылку, между тем когда публика думает, что он хочет ему помочь войти. Этот удар имеет целью усилить замешательство новичка. Не давая ему времени опомниться, гипнотизер ладонью другой руки довольно крепко сжимает ему подбородок, так что получается новый толчок, передающийся через нервы позвоночному столбу и причиняющий в настоящий момент бесчувственность. Субъект ощущает шум в ушах и как бы теряет сознание. В этой стадии гипнотизер должен решительно и строго приказать «Спи! Скорей засыпай! Теперь ты внезапно погрузишься в сон!» Во многих случаях этот прием сопровождался успехом; субъект закатывает глаза, и с этого момента находится в состоянии сомнамбулизма.

Конечно, удары по голове сами по себе являются способом разрушения динамических интерфейсов мозга (в этом разрушении и состоит «потеря сознания»); Джексоном тут описан целый комплекс мероприятий, направленных к одной цели – к разрушению динамических интерфейсов мозга.

Если эти интерфейсы просто разрушены, то человек «теряет сознание» и «спит». Но часто разрушенные интерфейсы восстанавливаются – но не в таком виде, в каком они были до разрушения, а по-иному. Это и есть «транс».

§5. Гипнотическое внушение

Самым впечатляющим эффектом «гипнотического транса» является поразительная «внушаемость» субъекта, находящегося под гипнозом: он беспрекословно «верит» всему, что говорит гипнотизер. В этом параграфе я покажу, как должны быть построены динамические интерфейсы мозга, чтобы такая «внушаемость» стала возможной. Но, чтобы показать изменения в интерфейсах, мне нужно сначала показать, какими эти интерфейсы были до гипноза. Это изображено на Рис. 2.

Там показан «Интерфейс реальности»: сопряжение дальнейших (обрабатывающих) частей Системы с потоком той информации, которую Система воспринимает как отображающую реальность окружающего мира.

Если говорить в терминах И.П. Павлова, то к Интерфейсу реальности в нормальном состоянии подключена «Первая сигнальная система». На рисунке 2 изображен поток визуальной информации как в нормальных условиях наиболее существенная составляющая потока информации о реальности, но фактически туда входит также звуковая информация (не речевая), обонятельная, тактильная и т.д. Весь этот поток информации создает у субъекта картину реальности (реального мира) и подключен к дальнейшим частям Системы через динамическое сопряжение, которое мы называем «Интерфейсом реальности».

На рисунке 2 прерывистыми стрелками показан также поток информации, образующий «Вторую сигнальную систему» по Павлову: это поток речевой информации, которая в Системе подвергается дешифровке блоком, называемым «Декодер речи». Очень важно понимать, что в составе Декодера речи действует подблок, называемый в Веданской теории Пиктором² и создающий визуальные картины полученной по звуковым каналам речевой информации. Благодаря работе Пиктора, на его выходе (на Рис.2 это «Интерфейс дополнительной информации») информация представлена в таком же формате, как и на выходе Интерпретатора визуальной картины видимого мира.

В нормальном состоянии Система (субъект) отличает Интерфейс реальности от Интерфейса дополнительной информации, и потоки, поступающие по обоим каналам, обрабатываются Системой по-разному.

Но, когда в начале сеанса гипноза динамические интерфейсы Системы разрушаются, они могут быть впоследствии восстановлены не так, как было до разрушения, а так, как показано на Рис. 3. Теперь к Интерфейсу реальности подключена Вторая сигнальная система, и воспринимаемый речевой поток становится для Системы отображением окружающей реальности. (А первая сигнальная система, видимо, подключается к Интерфейсу дополнительной информации и обрабатывается по-другому).

Такая замена интерфейсов возможна потому, что структура (формат) информации, именуемой на рисунках 2 и 3 как «Визуальная картина видимого» и «Визуальная картина сказанного», одинаковы в обоих случаях.

² См. статью Веданопедии «Пиктор»: МОИ № 51, А092.

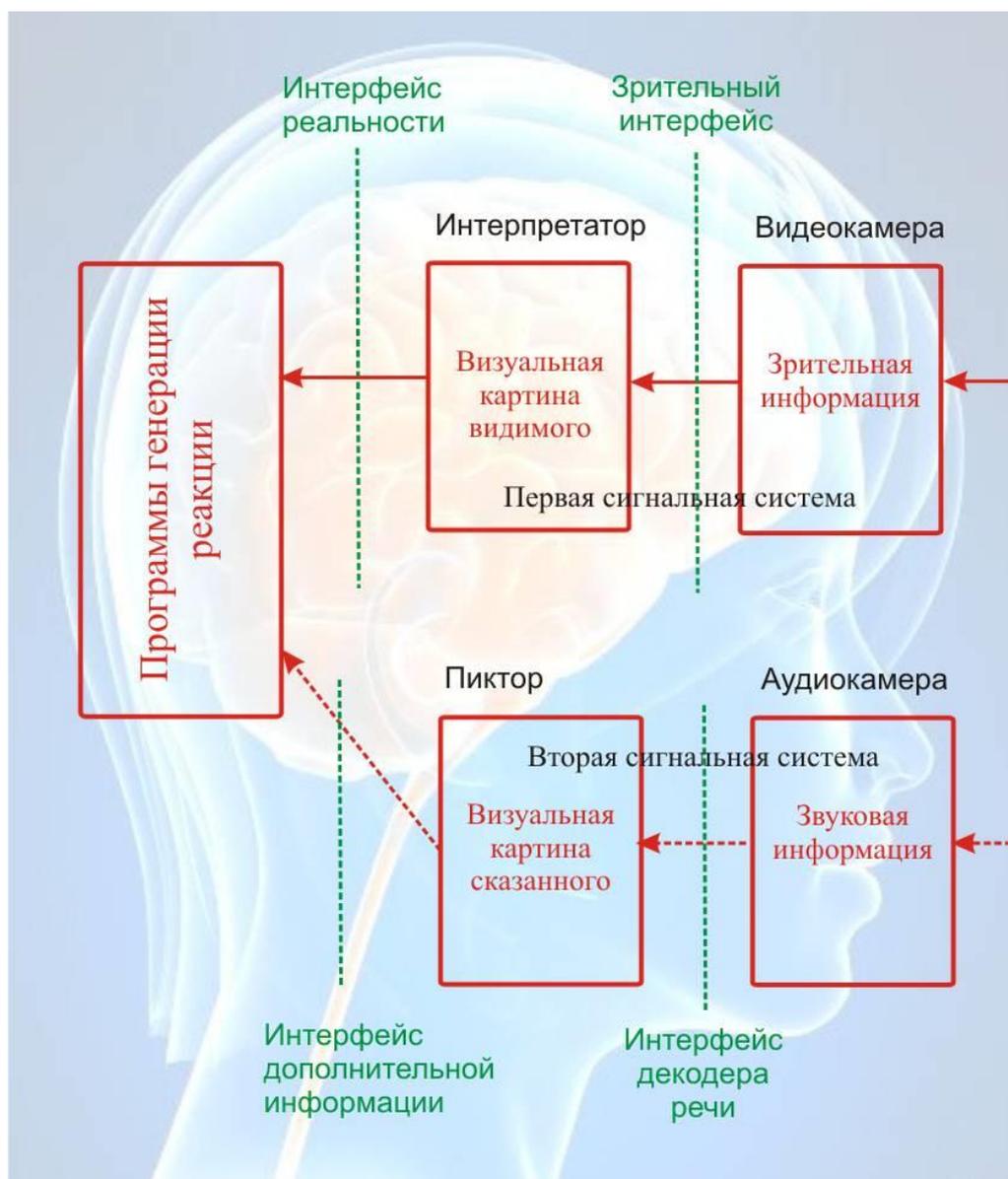


Рис.2. Принципиальная схема Интерфейса реальности и окружающих интерфейсов в нормальном состоянии

Итак, «поразительная внушаемость при гипнозе» объясняется в Веданской теории изменением динамических интерфейсов на входе тех процессоров (программ), задача которых – генерировать реакцию Системы на ситуацию.

Физически этот сдвиг интерфейсов, очевидно, представляет собой изменение потока импульсов между отдельными группами мозговых клеток (процессорами). Связанными при гипнозе оказываются не те группы клеток, которые были связаны между собой прежде, в обычном состоянии, а другие.

То, что группы клеток связываются между собой по-другому с такой в общем-то легкостью, свидетельствует, что и связи, существующие в «нормальном состоянии», не являются чем-то жестко встроенным в Систему, а устанавливаются динамически – и устанавливаются, видимо, по «принципу разумной интерпретации», т.е. Система сама настраивается так, чтобы получилось слаженное ее функционирование.

(«Принцип разумной интерпретации» можно иллюстрировать на примере телевизора: вот при настройке приемника идет, идет «снег» и шум, но вдруг возникает ясная картина и осмысленные звуки; если система способна отличить это состояние от «шума», то она может настраиваться автоматически. Такая способность предполагается нами у мозга, и таким способом он обычно создает свои динамические интерфейсы).

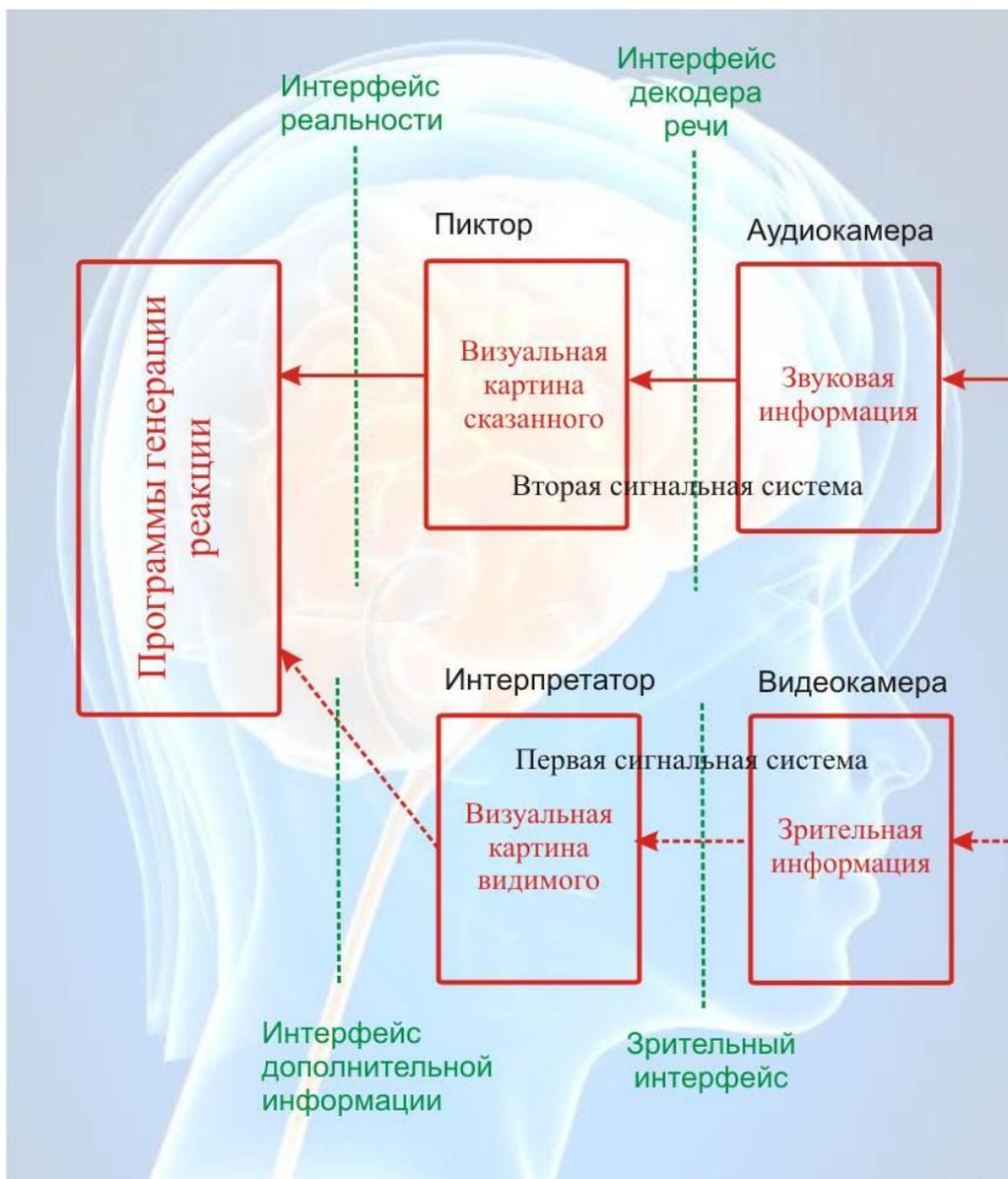


Рис.3. Принципиальная схема Интерфейса реальности и окружающих интерфейсов в гипнотическом состоянии

§6. Постгипнотическая амнезия

Обычно субъект после выхода из гипноза ничего не помнит из того, что с ним было во время гипнотического транса. Но если снова погрузить его в транс, то он вспоминает всё до мельчайших подробностей.

Это означает, что информация на самом деле в его памяти записана, но только в бодрственном состоянии нет доступа к этой информации.

Почему же его нет?

Веданская теория предполагает, что дело опять в изменениях интерфейсов, на этот раз в интерфейсе между процессором, организующим постоянную запись текущей информации в память (этот блок в ВТ называется «Хроникером») и собственно запоминающим устройством (записанный в которое массив информации называется «Хроникой»).

Эти отношения схематически изображены на Рис. 4. Хроникер (через интерфейс памяти) ведет последовательную запись Хроники (пишет вперед и вперед).

А в состоянии гипноза этот интерфейс памяти нарушается, сигналы направляются к другой группе клеток, и Хроника пишется в другом месте памяти (Рис. 5).

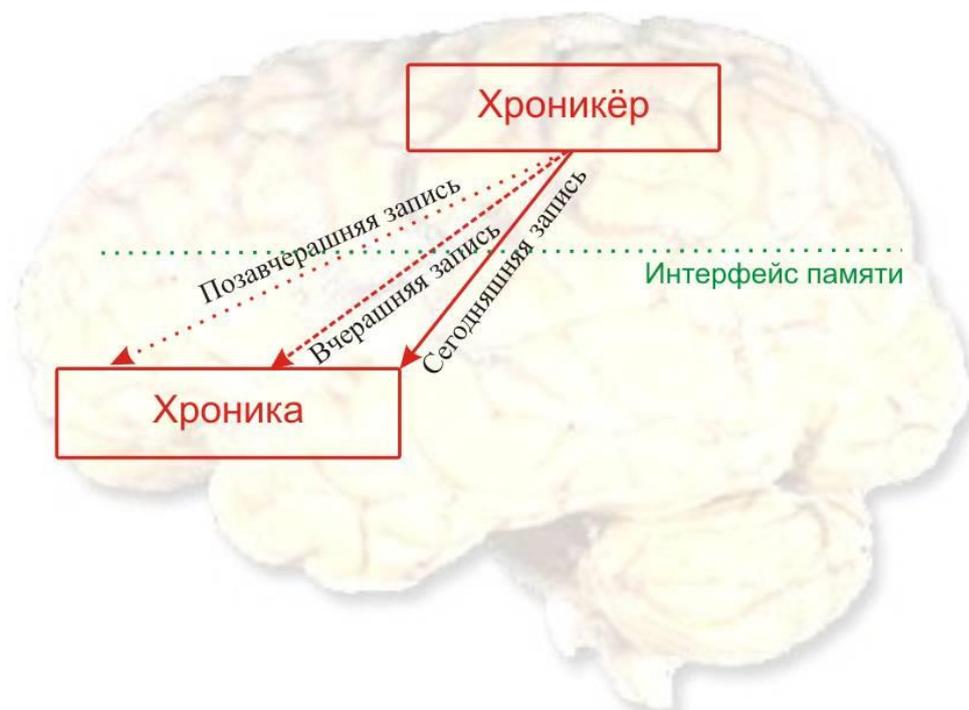


Рис.4. Запись Хроники в нормальном состоянии

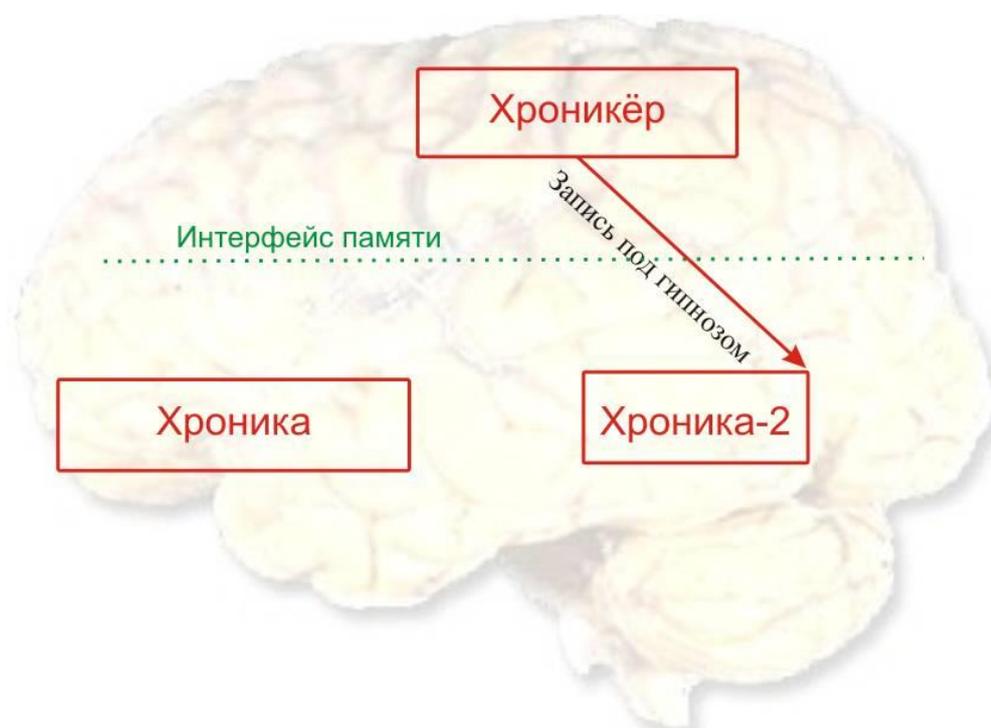


Рис.5. Запись Хроники в гипнотическом состоянии

После выхода из гипноза Интерфейс памяти возвращается в прежнее состояние, Хроникер пишет дальше первую Хронику, а вторая Хроника (записанная во время транса) остается непривязанной к первой. Если субъекта снова ввести в транс (т.е. сдвинуть Интерфейс памяти к Хронике-2), то он опять работает со второй хроникой и продолжает ее писать вперед.

Таково представление ВТ о принципиальной сущности постгипнотической амнезии – опять всё дело в сдвигах внутримозговых динамических интерфейсов.

Однако это дело не следует понимать слишком упрощенно и буквально. Из всего, что мы знаем о человеческой памяти, можно довольно смело сделать вывод, что она НЕ подобна компьютерной дисковой памяти, где есть «занятая область» и «свободное место» (которое со временем будет исчерпано) и т.д.

В человеческой памяти определенно нет такой организации, поэтому на рисунках 4 и 5 области Хроники и Хроники-2 не следует интерпретировать как находящиеся на разных «цилиндрах» и «дорожках» запоминающего устройства (т.е. в разных, но компактных, областях мозга). Надо полагать, обе хроники разбросаны по всему мозгу, но имеют разные «точки входа», стартовые указатели. Но эти стартовые указатели всё-таки размещены в разных группах клеток (т.е. физически в разных местах мозга), что и изображено на Рис. 4 и 5.

§7. Постгипнотическое внушение

Еще один впечатляюще действующий на публику феномен гипноза – это т.н. постгипнотическая суггестия, когда субъекту под гипнозом приказывают что-то сделать после пробуждения в определенное время, а он, проснувшись, ничего об этом не знает, однако же в назначенное время точно выполняет всё, что ему было приказано.

Чтобы понять сущность этого феномена, нужно предварительно знать, как вообще осуществляется реализация субъектом того или иного своего намерения (т.е. как происходит самопрограммирование). Опять я вынуждена напоминать, что не могу дать здесь полное и исчерпывающее описание этого процесса и повторять всё то, что об этом уже написано в разных местах. Всё же для облегчения понимания приведу фрагмент (пример) из одного старого моего сочинения:

Если задуматься о принципах организации самопрограммирования в искусственных системах (компьютерах), то становится очевидным, что оно может быть реализовано только в виде построения многоуровневой и притом динамической структуры, а кодировка этой структуры должна быть древовидной.

Рассмотрим такой пример. Пусть я решила сходить в театр. О том, что в связи с этим решением происходит в моей голове, будем судить по обычному методу ВТ – то есть, соображая, что для возникновения и осуществления этого намерения было бы необходимо сделать в управляющем компьютере куклы Доллии (МОИ № 51, А015).

В первую очередь выясним, как это намерение возникло и что вообще означают слова «возникло намерение сходить в театр».

«Намерение сходить в театр» означает, что у меня (или у куклы Доллии) в мозге появилась программа (назовем ее «Программа Т») похода в театр. Появилась она в результате всей предыдущей деятельности «котла самопрограммирования»; возможно, там свою роль сыграли какие-то воспоминания, какие-то ассоциации, возможно, какое-то случайное упоминание по радио какого-то актера и т.д. Чтобы в этом разобраться, надо анализировать всю предысторию мозговой деятельности (моей или Доллии), но это нам сейчас не важно; мы начинаем с того, что «намерение возникло», т.е. программа похода в театр появилась.

Программа, как мы помним, – это структура в мозге (в управляющем компьютере). Значит, появилась структура Т, означающая поход в театр.

Первоначально эта структура содержит сравнительно мало данных. Она не кодирует еще никаких конкретных действий и приказов мышцам. Ее бокоанализ³ может выяснить, пожалуй, только такие самые общие вещи, как то: что ходить буду я (возможно, с членами семьи), что целью похода будет театр, и Образ результата программы Т может представлять собой некоторую картину, изображающую меня среди рядов стульев в театральном зале (картина, скомпилированная из воспоминаний о моих прежних посещениях театра и, возможно, кинофильмов или картин изобразительного искусства).

Эта структура Т может просуществовать в моей голове некоторое время (дни или даже недели) без дальнейшего развития. Но вот по какой-то причине – опять в результате общего кипения «котла самопрограммирования» – я решила «дать ход» программе Т, то есть приступить к дальнейшему самопрограммированию в этом направлении. Теперь я с программой Т связываю частную программу Т1 поиска подходящего спектакля. Программу Т1 можно считать подпрограммой программы Т – временно подключенной к структуре Т (в качестве ее ветки). В рамках программы Т1 на некоторое время развивается энергичная деятельность самопрограммирования, доходящего до конкретных приказов мышцам: я подхожу к компьютеру, включаю его, выхожу на сайты театров нашего города, просматриваю их программы представлений, выбирая театр, спектакль и дату. Вся деятельность в рамках ветки Т1 завершается выбором конкретного спектакля, на который я собираюсь пойти. Этот результат записывается в структуру Т, и программа Т теперь стала более конкретной: она уже означает не «поход в театр вообще», а поход на определенный спектакль в определенный театр в определенное время.

³ Анализ одной программой другой программы; один из наиболее существенных моментов самопрограммирования. Ниже бокоанализу посвящен отдельный параграф.

В таком виде программа Т может просуществовать еще некоторое время без движения, но в какой-то момент начинается бурное самопрограммирование по ветке Т2 (а ветка Т1 тем временем давно уже уничтожена как программа: о ее выполнении остались лишь воспоминания и полученный результат). В результате самопрограммирования в рамках ветки Т2 я отправляюсь в кассы выбранного театра и покупаю билеты на выбранный спектакль.

Потом самопрограммирование программы Т опять на время притихает, пока не наступает собственно день спектакля. Теперь бурно развивается ветка Т3 и самопрограммируется непосредственная подготовка к походу: одевание и т.д. Передо мной встают две вечные женские проблемы: 1) совершенно нечего надеть; 2) в шкафу нет места. Но, тем не менее, проблемы в конце концов как-то решаются; запрограммированы и выполнены также остальные приготовления типа прически, украшений и т.д.; ветка Т3 программы Т разрушается, начинает строиться (и потом выполняться) ветка Т4 – собственно поездка в театр...

Не буду расписывать ветки программы Т дальше – принцип должен быть ясен. Программа Т (программа похода в театр), таким образом, состоит из множества динамически появляющихся и исчезающих веток, которые существуют относительно не одновременно. Но каждая ветка этой большой «головной» программы тоже состоит из множества динамических веток (каковыми, например, в Т1 были ветки «подойти к компьютеру», «включить компьютер» и т.д. Всё это вместе образует древовидную структуру, где на самом нижнем уровне находятся прямые приказы мышцам (в общем случае также и железам внутренней секреции), а на более высоких уровнях – блоки каких-то определенных действий, более общих, чем просто мышечное движение.

Однако эта структура, как правило, существует не вся одновременно, а возникает динамически по частям.⁴

Остается ли программой эта структура – довольно непохожая на привычные нам программы компьютеров? Да – остается, потому что эта структура продолжает кодировать будущие процессы (будущие действия), и между созданием этой структуры (программы) и осуществлением определяемых ею действий (выполнением программы) имеется некоторый зазор, некоторая временная дистанция.

При постгипнотической суггестии происходит в принципе то же самое, что и при моем самопрограммировании для похода в театр: в момент собственно внушения (находясь под гипнозом) субъект создает для себя начальную программу (назовем ее, например, программой S), означающую намерение выполнить то, что ему «внушает» гипнотизер. (Хорошо известно, что «внушить» можно только то, что субъект соглашается выполнить; если же он не согласится, то никакого «внушения» не произойдет: как правило, субъект выйдет из состояния гипноза).

Таким образом, «внушенное» действие становится собственным намерением субъекта, и в Системе происходит дальнейшее самопрограммирование для выполнения этого намерения.

Разница между программами Т и S состоит лишь в том, что сведения о первоначальной генерации программы Т были записаны в Хронику-1 (бодрственного состояния), а сведения о первоначальной генерации программы S записаны в Хронику-2 (гипнотического состояния), но в бодрственном состоянии эта Хроника-2 недоступна (субъект «ничего не помнит»).

Однако (в бодрственном состоянии) программа S успешно выполняется (и, значит, аппаратом самопрограммирования дотраиваются ее последние конкретные ветви). Это просто означает, что для выполнения такой работы (окончательного построения программы S и ее реализации) Хроника-1 была не нужна. (Возможно, при этом использовалась Хроника-2, но опять же сведения об этом использовании не были записаны в Хронику-1; возможно, они записывались в Хронику-2).

Когда программа S выполнена (т.е. сделано то, что субъекту «внушалось» при гипнозе), можно спросить субъекта, почему он это сделал. Такой вопрос ставит субъекта перед задачей создать и выполнить некоторую новую программу V, генерирующую ответ на этот вопрос. Эта программа (поскольку она создается и выполняется в бодрственном состоянии) работает с Хроникой-1. Но в Хронике-1 она не находит никаких сведений о том, как и почему была создана программа S. Поэтому программа V вынуждена генерировать свое собственное «разумное» объяснение произошедшему, – какое уж оно доступно ей в таких условиях.

Таковы основные принципы действия «постгипнотической суггестии» согласно Веданской теории.

⁴ Шуточный пример самопрограммирования куклы Доллии для решения ограбить банк В.Э. приводит в РОТИ-3 = МОИ № 43 §24 (стр. 69–71).

§8. Каталепсия

Наверное каждый человек хотя бы раз в жизни испытал действие судорог – когда неудержимо сводило ногу или что-нибудь другое. Этот непосредственный опыт показывает, что наши мышцы вообще-то способны сжиматься гораздо сильнее, чем это мы можем их заставить сделать при помощи своей «воли».

В то же время судорожное сжатие мышц тоже, как и управляемое «волей», производится по инициативе мозга – о чем свидетельствуют, например, судороги во время эпилептического приступа.

Следовательно, в мозге имеется некоторый «резерв» управления мышцами: такая область приказов им, которая «в обычной жизни» не используется, но в принципе может быть задействована мозгом.

Вот, эту-то область мозг и пускает в ход при гипнотической каталепсии или «столбняке».

Можно сказать так, что данная область приказов мышцам не используется при обычном самопрограммировании Системы. Но в гипнотическом состоянии, когда все внутримозговые динамические интерфейсы перекошены, становится возможным включить эту область приказов в генерируемых мозгом программах.

Довольно легко объяснить, почему упомянутая область (назовем ее «судорожной областью») не используется при повседневном самопрограммировании: просто при помощи таких приказов мышцам невозможно создать эффективные и действительно нужные Системе программы. (Ну зачем нам в жизни программы, приводящие наши мышцы к судорогам?!).

Можно предположить, что в очень раннем детстве (когда мозг вообще учился управлять вверенным ему телом) эти области самопрограммирования были испробованы и отвергнуты как неподходящие. Вспомните, как новорожденный дергает ручками и ножками – он там пробует генерировать всевозможные программы управления телом и – надо полагать – уже на этом этапе отсеивает те программы, которые приводят к судорогам, а к «сознательному возрасту» эти области уже начисто им отринуты, и больше нет даже попыток их задействовать – за исключением тех ситуаций, когда они оказываются задействованы спонтанно – при судорогах, в припадках и т.д.

Ну, а гипноз их снова включает в область самопрограммирования, и под «внушением» гипнотизера (о том, что «ваша рука деревенеет, деревенеет...») субъект создает у себя такую программу управления мышцами, которая затрагивает давно исключенные области приказов мышцам и приводит их в оцепенение.

§9. Сущность гипноза объяснена

Итак, мы привели краткое объяснение принципиальной сущности всех пяти феноменов гипноза, выделенных нами в §3. Таким образом, сущность гипноза нами объяснена – и объяснена таким способом, которого НЕТ в Хрестоматии по гипнозу (выпуски 8–12 альманаха МОИ) и, видимо, нет вообще в мировой литературе по гипнозу.

Теперь в дальнейших параграфах я разберу различные частные вопросы о гипнозе (в том числе цитаты из Хрестоматии) и связанные с гипнозом вопросы устройства человеческой психики, самопрограммирования и т.д.

§10. Аксель Мунте о гипнозе

Хрестоматия не дала ответа на один давно интересовавший меня вопрос: «А что произойдет, если субъекту сделать постгипнотическое внушение, а потом не дать ему возможности выполнить это?». Но описание такого случая имеется в чудесной книге Акселя Мунте «Легенда о Сан-Микеле». Шведский врач, окончивший Парижский университет и работавший в Париже, он был очевидцем тех судьбоносных событий в истории гипноза, о которых так много толковала Хрестоматия, и очень интересен его рассказ о них – в отличие от Хрестоматии не сухо-научный, а житейский и художественно-яркий. Поэтому я в данном параграфе позволю себе привести из глав XVII, XVIII и XIX его книги всё, что касается гипноза, хотя текст и получается довольно длинным.

Итак, рассказывает Аксель Мунте:

* * *

Многие из профессоров, к которым я обращался в трудных случаях, были людьми с мировым именем, считавшиеся первыми в своей области знания, и диагнозы они ставили

удивительно точно и быстро. Например, было просто что-то сверхъестественное в том, как Шарко обнаруживал самый корень болезни, – для этого ему, казалось, часто бывало достаточно одного взгляда его холодных орлиных глаз. Может быть, в последние годы жизни он стал слишком уж полагаться на верность своего глаза и осматривал больных подчас чересчур поспешно и поверхностно. Своих ошибок он никогда не признавал, и горе тому человеку, который отваживался усомниться в правоте его суждений. С другой стороны, он, как ни странно, никогда не торопился объявить больного безнадежным, даже если никаких сомнений в роковом исходе быть не могло. *L'imprévu est toujours possible*,⁵ – говаривал он.

Шарко был самым знаменитым врачом своего времени. В его приемную в Сен-Жерменском предместье стекались пациенты со всего света и нередко по многу недель ожидали, чтобы их пригласили во внутреннее святилище – его огромную библиотеку, где он сидел у окна. Шарко был невысок, но благодаря атлетической груди и бычьей шее производил очень внушительное впечатление. Бледное, бритое лицо, низкий лоб, холодные, пронизательные глаза, орлиный нос, выразительные жестокие губы – настоящая маска римского императора. Когда он сердился, его глаза метали молнии, и те, кому довелось увидеть этот взгляд, вряд ли мог его забыть. Говорил он властно, сухо, язвительно. Пожатие его маленькой, вялой руки было неприятно. Среди его коллег у него было мало друзей, пациенты боялись его, и такой же страх он внушал своим ассистентам, для которых у него редко находилось доброе слово, хотя работать он их заставлял нещадно. Он был равнодушен к страданиям своих пациентов и, поставив диагноз, больше ими не интересовался до дня вскрытия. Среди ассистентов у него были любимцы, которых он подчас выдвигал совсем не по заслугам. Одного слова Шарко оказывалось достаточно, чтобы обусловить результат любого экзамена или конкурса – собственно говоря, он был некоронованным властелином всей французской медицины.

Подобно всем специалистам по нервным болезням, он был окружен толпой поклонниц-психопаток. К счастью для него, женщины его нисколько не интересовали. Единственным отдыхом от сверхчеловеческой работы для него была музыка. По четвергам он устраивал музыкальные вечера, на которых запрещалось даже упоминать про медицину. Любимым его композитором был Бетховен. Он любил животных, и каждое утро, неуклюже вылезая из своего ландо во внутреннем дворе Сальпетриер, вытаскивал из кармана кусок хлеба для двух своих розинантов. Он сразу же обрывал разговоры об охоте и убийстве животных, и его неприязнь к Англии, мне кажется, объяснялась ненавистью к лисьей травле (...).

Я редко пропускал знаменитые вторники профессора Шарко в Сальпетриер, которые в то время посвящались главным образом его «большой истерии» и «гипнозу». В набитой битком большой аудитории собирался «весь Париж»: писатели, журналисты, известные актеры и актрисы, дамы полусвета, которых влекло сюда патологическое любопытство и желание своими глазами увидеть поразительные чудеса гипноза, почти забытые со времен Месмера и Брайда. На одной из этих лекций я познакомился с Ги де Мопассаном, уже знаменитым автором «Пышки» и незабываемого «Дома Телье». Мы с ним без конца разговаривали о гипнозе и различных душевных расстройствах, так как он настойчиво пытался выведать у меня то немногое, что мне было об этом известно. Расспрашивал он меня и о сумасшествии – в то время он собирал материалы для своей страшной книги «Орля», в которой так верно изобразил свое собственное трагическое будущее. Он даже отправился со мной, когда я ездил в Нанси в клинику профессора Бернхейма, где мне впервые стали ясны ошибки школы Сальпетриер в том, что касалось гипноза (...).

Я много лет всё свободное время посвящал изучению гипноза, и для меня публичные демонстрации, устраивавшиеся в Сальпетриер для «всего Парижа», были лишь нелепым фарсом, в котором перемешивались правда и обман. Некоторые из гипнотизируемых, без сомнения, были настоящими сомнамбулами и, пробуждаясь, покорно совершали всё то, что им было приказано сделать, пока они спали. Однако куда больше среди них было обманщиц, которые прекрасно знали, чего от них ждут, и с большим удовольствием морочили зрителей и врачей своими фокусами, в чем им немалым подспорьем служила присущая всем истеричкам хитрость. Они в любой момент были готовы устроить припадок по всем правилам классической «большой истерии» Шарко, с «мостогами» и всем прочим или продемонстрировать три его знаменитые стадии гипноза: летаргию, каталепсию, сомнамбулизм – все придуманные прославленным Мэтром и почти нигде, кроме Сальпетриер, не наблюдавшиеся. Одни с удовольствием нюхали

⁵ Всегда может случиться непредвиденное (франц.).

нашатырный спирт, когда им говорили, что это розовая вода, другие ели уголь, если его называли шоколадом, одна ползала на четвереньках и яростно лаяла, когда ей внушали, что она – собака, махала руками, старалась взлететь, когда ее превращали в голубя, или с криком ужаса подбирала платье, когда к ее ногам бросали перчатку и внушали, что это змея. Другая расхаживала, держа в руках цилиндр, качала его и нежно целовала, если ей говорили, что это ее ребенок.

Почти все эти несчастные девушки, которых с утра до вечера гипнотизировали врачи и студенты, проводили дни в полубредовом состоянии, совсем отупев от нелепых внушений, утратив контроль над своими поступками, и рано или поздно всех их ждала одна судьба: палата для нервных больных, если не сумасшедший дом.

Однако, хотя эти пышные представления по вторникам были ненаучны и недостойны Сальпетриер, справедливость требует признать, что в палатах больницы велось серьезное изучение многих всё еще не объясненных явлений гипноза. В то время я сам, с разрешения профессора, провел несколько интересных опытов по гипнотическому внушению и телепатии, работая с одной из этих девушек, удивительно хорошо поддававшейся внушению. Я уже сильно сомневался в верности теорий Шарко, которые его ослепленные ученики, как и широкая публика, принимали с такой безоговорочностью, что это можно объяснить лишь своего рода массовым гипнозом. Посетив клинику профессора Бернхейма в Нанси, я стал хотя и безвестным, но убежденным сторонником так называемой школы Нанси, отвергавшей учение Шарко. Упоминание о школе Нанси в стенах Сальпетриер в те дни было равно оскорблению величества. Сам Шарко приходил в ярость, стоило ему услышать хотя бы имя профессора Бернхейма. Один его ассистент, питавший ко мне глубокую неприязнь, показал профессору «Газет дез опито»⁶ с моей статьей, которая была результатом моей последней поездки в Нанси. Несколько дней Шарко старательно меня игнорировал. Но тут в газете «Фигаро» появилась резкая статья, подписанная «Игнотус» – это был псевдоним одного из ведущих парижских журналистов. Статья осуждала публичные демонстрации гипноза в Сальпетриер, называя их опасными и нелепыми представлениями, лишенными какой бы то ни было научной ценности и недостойными великого Мэтра. Шарко показали эту статью во время утреннего обхода, и я был поражен тем, в какое бешенство привела его какая-то газетная статейка, хотя, на мой взгляд, он мог бы счесть ниже своего достоинства даже заметить ее. Ученики Шарко относились друг к другу с ревнивой завистью, которой не был обойден и я. Не знаю, кто придумал эту ложь, но, к своему ужасу, я скоро узнал, что ходят слухи, будто наиболее неприятный материал для своей статьи «Игнотус» получил от меня. Шарко не сказал мне об этом ни слова, но с того дня его прежнее хорошее ко мне отношение изменилось. А затем я получил удар – один из самых тяжелых ударов в моей жизни. Судьба расставила мне ловушку, а я с обычной своей глупой импульсивностью не замедлил в нее угодить.

Как-то в воскресенье, выходя из больницы, я увидел во внутреннем дворе на скамейке под платанами пожилую крестьянскую пару. От них веяло деревенским воздухом, яблочными садами, полями, скотным двором, и мне было приятно на них смотреть. Я спросил, откуда они и зачем сюда приехали. Старик в длинной синей блузе приложил руку к берету, а женщина в белом аккуратном чепце приветливо улыбнулась и сделала книксен. Они сказали, что приехали утром из своей нормандской деревни навестить дочь, которая третий год работает судомойкой на кухне Сальпетриер. Место это очень хорошее, и устроила ее сюда монахиня из их деревни, помощница поварахи в больничной купе. Но и на ферме работы немало – у них теперь три коровы и шесть свиней, так что они порешили увезти дочку обратно: девушка она сильная и здоровая, а они люди немолодые и одним им управиться с хозяйством тяжело. Всю ночь они ехали на поезде и очень устали – вот и присели отдохнуть на скамейку. Может, я потружусь, укажу им, где тут кухня? Я ответил, что туда надо идти через три двора, а потом еще по коридорам, и предложил проводить их и помочь им отыскать дочь. Только богу известно, сколько судомоек на кухне, где готовят еду на три тысячи человек. И вот мы направились к флигелю, где помещалась кухня, и всю дорогу старушка не переставала рассказывать мне о своих яблонях, об урожае картофеля, о коровах, свиньях и о чудесном сыре, который она варит. Тут она вынула из корзины небольшой сливочный сыр – она думала угостить Женевьеву, но, может, я не откажусь взять его в подарок? Я пристально посмотрел на ее лицо, когда она протянула мне сыр.

– Сколько лет Женевьеве?

– Недавно минуло двадцать.

⁶ МОИ.: Gazette des Hopiteaux.

Она блондинка и очень хорошенькая?

– Отец говорит, что она – ну, вылитая я, – простодушно ответила старая мать.

Старик одобрительно закивал.

– А вы уверены, что ваша дочь работает именно на кухне? – спросил я с невольной дрожью и еще раз внимательно всмотрелся в морщинистое лицо матери.

Вместо ответа старик пошарил во вместительном кармане своей блузы и достал последнее письмо Женестьева. Я много лет интересовался графологией, и с первого взгляда узнал кудрявый, наивный, но удивительно четкий почерк, который постепенно улучшался в результате многих сотен опытов автоматического письма, в которых иногда участвовал и я сам.

– Сюда, – сказал я и повел их прямо в палату Святой Агнессы – отделение «большой истерии».

Женестьева сидела на длинном столе посреди палаты и болтала ногами в шелковых чулках, держа номер журнала «Le rir», на обложке которого красовался ее портрет. Рядом с ней сидела Лизетта, другая звезда Сальпетриер. Кокетливую прическу Женестьева дополняла шелковая голубая лента, на шее сверкала нитка фальшивого жемчуга, бледное лицо было нарумянено, губы подкрашены. Она больше походила на предприимчивую мидинетку, собравшуюся погулять по бульвару, чем на обитательницу больницы. Женестьева была примадонной представлений, устраивавшихся по вторникам, избалованной всеобщим вниманием, очень довольной и собой и своим положением. Старые крестьяне растерянно глядели на дочь. Женестьева посмотрела на них равнодушно и брезгливо, как будто их не узнавая. Вдруг ее лицо задергалось, с пронзительным криком она упала на пол и забилась в судорогах. Лизетта немедленно последовала ее примеру и сделала классический «мост». Подчиняясь закону подражания, две другие истерички устроили по припадку прямо в постели – одна конвульсивно захохотала, а другая зарыдала. Бедные старики оцепенели от ужаса, и монахини поспешили выпроводить их из палаты. Я догнал их на лестнице и проводил к скамье под платанами. Они были настолько перепуганы, что не могли даже плакать. Объяснить им, что произошло, было нелегкой задачей. Как их дочь из кухни попала в палату истеричек, я не знал и сам. Я постарался утешить их, как мог, и сказал, что их дочь скоро поправится. Мать расплакалась, маленькие глазки отца засверкали злобой. Я посоветовал им вернуться к себе в деревню и обещал, что их дочь будет отправлена домой, как только ей станет лучше. Отец хотел забрать ее немедленно, но мать поддержала меня, сказав, что лучше оставить ее тут до выздоровления – наверное, тут о ней хорошо заботятся. Я снова обещал, что в самом скором времени поговорю с профессором и директором клиники, которые, конечно, отправят Женестьеву домой в сопровождении больничной сиделки, и в конце концов мне, хотя и с большим трудом, удалось усадить стариков на извозчика и отправить их на Орлеанский вокзал. Всю ночь мысль об этих старых крестьянах не давала мне спать. Как я выполню свое обещание? Я прекрасно знал, что мне не следует говорить с Шарко на подобную тему. Знал я и то, что Женестьева никогда не согласится добровольно покинуть Сальпетриер и вернуться на скромную ферму родителей. Я видел лишь один выход – подавить ее волю и навязать ей свою. Я по опыту знал, что Женестьева прекрасно поддается гипнозу. Слишком часто и другие и я сам внушали ей, что она должна сделать, когда очнется от гипнотического сна, и она всегда выполняла наши приказания с той же неизбежностью, с какой брошенный камень падает на землю, и почти с астрономической точностью, причем стоило ей пробудиться, как наступала полная амнезия – то есть она не помнила, что ей внушалось во время сеанса, и действовала словно по собственному побуждению. Я попросил у директора клиники разрешение продолжать с Женестьевой начатые мной опыты по телепатии, которая была тогда чрезвычайно в моде. Он сам весьма интересовался этой проблемой, а потому разрешил мне по часу в день работать в уединении его собственного кабинета, и пожелал мне успеха. Но я обманул его. В самый первый же день я внушил Женестьеве под глубоким гипнозом, что следующий вторник она останется лежать в постели и не пойдет в лекционный зал, что она ненавидит свою жизнь в Сальпетриер и хочет вернуться к родителям. Целую неделю я ежедневно повторял это внушение, но без видимых результатов. Однако в следующий вторник она отсутствовала на лекции, что сильно помешало опытам. Мне сказали, что она простудилась и лежит в постели. Два дня спустя я увидел у нее в руках железнодорожный справочник, который она быстро сунула в карман, как только заметила меня, – несомненно, амнезия была полной. Вскоре я внушил ей, что в четверг – это был свободный от опытов день – она пойдет в магазин и купит себе новую шляпу. На следующее утро я увидел, что она с гордостью показывает Лизетте свою покупку. Еще через два дня ей было приказано на следующий день в двенадцать часов тихонько уйти из палаты Святой Агнессы, пока монахини

будут разносить второй завтрак, незаметно проскользнуть мимо привратника, занятого едой, сесть на извозчика и поехать прямо на авеню Вилье. Когда я вернулся домой, я увидел, что она сидит у меня в приемной. Я спросил, каким образом она очутилась здесь, и она очень смущенно пролепетала, что хотела бы посмотреть моих собак и обезьяну, о которых я ей рассказывал. Розали напоила ее кофе, а потом я отправил ее на извозчике в больницу.

– Красивая девушка! – сказала Розали и добавила, прижав палец ко лбу. – Только у нее, кажется, не все дома. Она мне сказала, что сама не знает, зачем пришла сюда.

Успех этого предварительного опыта заставил меня с моей обычной импульсивностью немедленно приступить к выполнению моего плана. Два дня спустя Женевьева получила приказ снова явиться на авеню Вилье в тот же час и с теми же предосторожностями. Это было в понедельник, и я пригласил к завтраку Норстрема в качестве свидетеля на случай, если дело примет непредвиденный оборот. Когда я рассказал ему о своем плане, Норстрем счел необходимым предостеречь меня, что и в случае успеха, и в случае неудачи я могу навлечь на себя серьезные неприятности – но, впрочем, он не сомневался, что Женевьева вообще не придет.

– А вдруг она кому-нибудь об этом скажет?

– Она не может сказать того, чего не знает сама. А о том, что ей надо поехать на авеню Вилье, она не узнает до тех пор, пока часы не пробыют двенадцать.

– А разве нельзя выспросить это у нее во время гипнотического сна?

– Добиться этого способен только один человек – сам Шарко. Но он вспоминает о ее существовании только по вторникам, и я исключаю такую возможность.

Кроме того, добавил я, теперь поздно спорить: Женевьева уже ушла из больницы и будет на авеню Вилье через полчаса.

Часы в передней пробили три четверти первого, и я решил, что они спешат: впервые их мелодичный звон подействовал на меня раздражающе.

– Бросил бы ты все эти глупости! – заметил Норстрем, закуривая сигару. – Ты забил себе голову гипнозом и кончишь тем, что сам сойдешь с ума, если уже не сошел! Я не верю в гипноз – я много раз пробовал гипнотизировать людей, и у меня никогда ничего не получалось.

– Получись у тебя что-нибудь, я бы сразу перестал верить в гипноз, – возразил я сердито.

Раздался звонок. Я вскочил, чтобы самому отворить дверь. Но пришла мисс Андерсен, сиделка, которую я пригласил, чтобы она отвезла Женевьеву домой. Они должны были выехать в Нормандию с ночным экспрессом, и мисс Андерсен я собирался дать письмо местному кюре, в котором я объяснял ему положение вещей и просил его любой ценой помешать возвращению Женевьевы в Париж. Я снова сел за стол, яростно куря одну папиросу за другой.

– А что обо всем этом говорит сиделка? – спросил Норстрем.

– Она ничего не говорит. Она англичанка. Она меня хорошо знает и полностью доверяет моим решениям.

– Ах! Если бы я мог им доверять! – пробурчал Норстрем, выпуская клубы дыма.

Часы на камине пробили половину второго, и со сверхъестественным единодушием их поддержали голоса старинных часов во всех комнатах.

– Сорвалось, – флегматично сказал Норстрем. – Тем лучше для нас обоих – я чертовски рад, что не буду замешен в эту историю.

В ту ночь я не сомкнул глаз. На этот раз не из-за стариков родителей, а из-за самой Женевьевы. Я был так избалован удачей, что мои нервы не умели приспособляться к неудаче. Что могло произойти?

Когда на следующее утро я входил в лекционный зал Сальпетриер, мне было очень не по себе. Шарко уже начал лекцию о гипнозе, но на эстраде Женевьевы не было. Я тихонько вышел из зала и отправился в дежурку. Кто-то из ассистентов рассказал мне, что накануне во время завтрака его вызвали в палату Святой Агнессы. Там он увидел Женевьеву в состоянии каталептической комы, перемежавшемся сильнейшими судорогами. За полчаса до этого одна из монахинь увидела ее на улице, когда она садилась на извозчика. Она была так возбуждена, что монахиня лишь с большим трудом довела ее до привратничьей, в палату ее пришлось нести на руках. Всю ночь она буйствовала, как дикий зверь, который пытается вырваться из клетки, и на нее пришлось надеть смирительную рубашку. Теперь она лежит под замком в отдельной палате – ей дали большую дозу брома и положили на толоку лед. Никто не понимает, что с ней случилось. У нее был сам Шарко, и в конце концов ему удалось ее усыпить. Наш разговор прервал директор клиники, который, войдя, сказал, что искал меня повсюду. Шарко хочет поговорить со мной, и

ему поручено доставить меня в кабинет профессора, когда кончится лекция. Пока мы шли через лаборатории, директор не сказал со мной ни слова. Он постучал в дверь, и я в последний раз в жизни вошел в столь мне знакомое маленькое святилище мэтра. Шарко сидел в своем кресле у окна, склонившись над микроскопом. Он поднял голову, и его страшные глаза остановились на мне. Медленно, дрожащим от ярости голосом он сказал, что я пытался завлечь к себе в дом молодую девушку, пациентку его клиники, неуравновешенную, не отдающую себе отчета в своих поступках. Она призналась, что один раз уже была у меня, и мой дьявольский план вторично воспользоваться ее беспомощностью не удался лишь благодаря случайности. Это уголовное преступление, и ему следовало бы передать меня в руки полиции, но ради чести нашей профессии и красной ленточки в моей петлице он ограничивается тем, что изгоняет меня из своей клиники – он не желает меня больше видеть.

Я был точно громом поражен, язык у меня прилип к гортани, и я не мог выговорить ни слова. Но внезапно я понял смысл его гнусного обвинения, и мой страх пропал. Я гневно ответил, что не я, а он и его приспешники погубили эту крестьянскую девушку, которая переступила порог больницы здоровой и сильной, а выйдет из нее сумасшедшей, если не покинет ее немедленно. Я избрал единственное доступное мне средство вернуть ее старикам родителям. Мне не удалось ее спасти, и я об этом очень сожалею.

– Довольно! – крикнул он, а затем обернулся к директору клиники и сказал, чтобы он проводил меня до привратничкой и передал сторожам его распоряжение больше никогда не впускать меня в больницу. Он добавил, что, если его власти недостаточно для того, чтобы мне был закрыт доступ в его клинику, он сообщит обо всем случившемся в муниципалитет. Договорив, Шарко поднялся и вышел из комнаты своей тяжелой, медлительной походкой (...).

Знаменитые представления в лекционном зале Сальпетриер, из-за которых я был оттуда изгнан, давно уже объявлены шарлатанством всеми учеными, серьезно изучающими сущность гипнотических явлений. Силой своего авторитета Шарко навязал созданные им теории гипноза целому поколению врачей, и эти теории, давно уже опровергнутые, на двадцать с лишним лет задержали правильную оценку гипноза. Теперь почти все теории Шарко по этому вопросу отвергнуты наукой. Гипноз – это вовсе не искусственный невроз, как утверждал он, который можно вызвать только у истеричных, слабовольных или неуравновешенных людей с повышенной восприимчивостью. Верно как раз обратное. Люди, склонные к истерии, как правило, труднее поддаются гипнозу, чем уравновешенные, душевно здоровые люди. Умных, сильных, властных субъектов легче загипнотизировать, чем глупых, тупых, слабохарактерных или слабоумных. Идиоты и сумасшедшие в большинстве случаев вообще не поддаются гипнотическому воздействию. Люди, которые утверждают, что в гипноз они не верят, которые смеются и отрицают, что их можно загипнотизировать, обычно очень легко погружаются в сон. Все дети легко поддаются гипнозу. Одно применение механических средств вызвать гипнотический сон не способно. Стекланные шарики, вращающиеся зеркала, заимствованные у птицеловов, магниты, пристальный взгляд, устремленный на зрачки гипнотизируемого, месмерические пассы – всё то, к чему прибегали в Сальпетриер и в Шарите, это полнейшая глупость.

С другой стороны, роль гипноза в медицине вовсе не столь ничтожна, как утверждал Шарко. Она может стать и колоссальной; если гипнозом займутся умные, честные врачи, хорошо знакомые с его техникой. Ручательством тому служат тысячи хорошо проверенных случаев. Я сам, хотя я был врачом-невропатологом, а вовсе не гипнотизером, я сам не раз пользовался этим орудием, когда все другие средства оказывались бесполезными, и часто добивался поразительных успехов с помощью этого метода лечения, который всё еще не получил заслуженного признания. Он, как правило, излечивает различные душевные расстройства, как сопровождающиеся, так и не сопровождающиеся потерей воли, а также алкоголизм, наркоманию и нимфоманию. С половыми извращениями дело обстоит сложнее. Чаще всего (если не всегда) это не болезнь, а врожденное отклонение полового инстинкта от нормы, и в этих случаях активное вмешательство может принести не пользу, а вред.

Польза гипнотической анестезии при хирургических операциях и родах теперь признается всеми. Еще более поразительны благотворные результаты этого метода при самой мучительной из всех операций, которую и поныне почти всем приходится переносить без анестезии, – при смерти. Одного того, что мне удалось сделать для многих умирающих солдат во время мировой войны, вполне достаточно, чтобы я благодарил бога за обладание этим оружием. Осенью 1915 года я провел двое незабываемых суток среди сотни умирающих французских солдат, которые, укрытые окровавленными шинелями, лежали вповалку на полу деревенской церкви. У нас не

было ни морфия, ни хлороформа и никаких других анестезирующих средств, чтобы облегчить им агонию. И всё же многие из них умерли спокойно, не сознавая, что происходит, часто даже с улыбкой на губах – я держал руку на лбу умирающего, в его ушах звучали слова утешения и надежды, которые я повторял медленно и внятно, пока страх смерти не исчезал из его глаз.

Что за таинственная сила исходила из моей руки? Каков был ее источник? Зарождалась ли она в моем мозгу, хотя и вне моего сознания, или это были всё те же магнетические флюиды старинных последователей Месмера? Разумеется, современная наука давно отвергла флюиды и заменила их десятком новых теорий. Мне они известны все, но пока ни одна из них меня не удовлетворила. Само по себе внушение – основа ныне признанных теорий гипноза – не может служить исчерпывающим объяснением всех сопутствующих гипнозу явлений. Кроме того, термин «внушение», которым пользуются главные его поборники школы Нанси, по сути лишь иное название всё тех же ныне высмеиваемых месмеровских флюидов. Кажется, мы должны согласиться, что главное – не гипнотизер, а подсознание гипнотизируемого. Но как же тогда объяснить, почему один гипнотизер добивается успеха там, где другой терпит неудачу? Почему внушение одного гипнотизера проникает как приказ в скрытые глубины подсознания гипнотизируемого и приводит в действие таящиеся там силы, тогда как то же внушение, но исходящее от другого человека, парализуется сознанием субъекта и остается втуне? Я больше многих хотел бы знать ответ на эти вопросы, ибо еще в отрочестве обнаружил, что в чрезвычайно высокой степени обладаю этой способностью, называйте ее как угодно. Большинство моих пациентов – и молодые и старые, мужчины и женщины – скоро замечали, это мое свойство и часто обсуждали его со мной. Мои товарищи в больнице знали о нем, оно было известно и Шарко, который нередко им пользовался. Профессор Вуазен, знаменитый психиатр больницы Святой Анны, часто просил меня помочь ему в его отчаянных попытках загипнотизировать какого-нибудь буйного безумца. Мы занимались этим по многу часов, а одетые в смиренные рубашки бедняги вопили и в бессильной ярости плевали нам в лицо. В большинстве случаев у нас ничего не получалось, но иногда мне удавалось успокоить больного, с которым профессор ничего не мог сделать, несмотря на свое поразительное терпение.

О моей способности знали все сторожа Зоологического сада и зверинца Пезона. Я часто шутки ради вызывал у змей, ящериц, черепах, попугаев, сов, медведей и больших кошек состояние летаргии, схожее с тем, которое Шарко объявил первой стадией гипноза. Нередко мне удавалось вызвать у них даже глубокий сон. Я, кажется, уже упоминал о том, как я вскрыл нарыв на лапе Леони, великолепной львицы в зверинце Пезона, и вытащил занозу. Этот случай можно назвать только примером местной анестезии, объясняемой легким гипнозом. Обезьян, несмотря на их живость, усыпить нетрудно, так как они обладают высоким интеллектом и большой восприимчивостью. Заклинание змей, разумеется, всё то же гипнотическое внушение. Мне самому удалось в Карнакском храме вызвать состояние каталепсии у кобры. Приручение диких слонов, мне кажется, также связано с гипнотическим воздействием. Однажды в Зоологическом саду я присутствовал при том, как индеец, погонщик слонов, несколько часов уговаривал раздраженное животное, и больше всего это походило на гипнотическое внушение. Большинство птиц легко поддается гипнозу – всем известно, как легко гипнотизировать кур. Любой человек может сам убедиться в том, как успокоительно действует на животных – и диких и прирученных – монотонное повторение одних и тех же слов, так что даже начинает казаться, будто они понимают их смысл. Как бы я хотел понять то, что говорят мне они! Во всяком случае, это нельзя объяснить внушением. Тут действует какая-то другая сила, и я вновь задаю всё тот же тщетный вопрос: какая же это сила?

Среди пациентов, которых я передал Норстрему, когда уехал в Швецию, была морфинистка, уже почти излеченная с помощью гипнотического внушения. Так как я не хотел, чтобы лечение было прервано, я попросил Норстрема быть моим ассистентом на последнем сеансе. Ему показалось, что это очень легко, и он сам как будто понравился пациентке. Вернувшись в Париж, я узнал, что она опять стала прибегать к морфию, так как мой коллега не сумел воздействовать на нее. Я попытался выяснить у нее причину неудачи, но она сама ее не понимала – она всячески старалась, как и Норстрем, который был ей, по ее словам, симпатичен, но, к сожалению, ничего не вышло.

Как-то раз Шарко послал ко мне молодого иностранного дипломата, страдавшего половым извращением. Ни знаменитый венский психиатр Крафт-Эбинг, ни Шарко не сумели его загипнотизировать. Сам он страстно желал излечиться; он жил под вечным страхом шантажа – и

был очень расстроен неудачей обоих профессоров. Он твердо верил в то, что гипноз – единственное спасение для него, и был убежден, что вылечится, если его удастся усыпить.

– Но вы уже спите! – сказал я, едва коснувшись кончиками пальцев его лба. Я не прибегал к пассам, не стал смотреть ему в глаза, но едва я договорил, как его веки с легкой дрожью сомкнулись, и через минуту он уже погрузился в глубокий гипнотический сон. Сначала всё, казалось, шло хорошо, и через месяц он вернулся на родину, преисполненный веры в будущее, – сам я ее далеко не разделял. Он говорил, что намерен сделать предложение одной молодой девушке, которая ему очень нравится, – он мечтал жениться и иметь детей. Потом я потерял его из виду. Через год я случайно услышал, что он покончил с собой. Если бы этот несчастный обратился ко мне на несколько лет позже, когда я стал опытнее, то и я не взялся бы за его излечение, зная, что задача эта безнадежна.

Три знаменитые стадии гипноза, которые так блестяще демонстрировал Шарко на своих лекциях по вторникам, я, кроме как в Сальпетриер, не наблюдал практически нигде. Он придумал их сам и внушил их истеричкам, над которыми проводил опыты, а его ученики приняли всё это на веру, подавленные авторитетом мэтра. То же относится и к его коньку – «большой истерии», которая свирепствовала в Сальпетриер, захватывая одну палату за другой, но в настоящее время почти исчезла. Именно тот факт, что Шарко работал исключительно с истеричными субъектами, служит объяснением, почему он не сумел разобраться в сущности гипноза. Если бы утверждение школы Сальпетриер о том, что гипнотизировать можно только истеричных субъектов, было верным, значит, истерией должны были бы страдать не менее восьмидесяти пяти процентов всего человечества.

Однако в одном Шарко был, несомненно, прав, что бы ни утверждали школа Нанси, Форель, Молль и многие другие: гипнотические опыты представляют известную опасность не только для гипнотизируемого, но и для зрителей. Лично я считаю, что публичные сеансы гипноза следует запретить в законодательном порядке. Специалисты по нервным и душевным болезням так же не могут обходиться без гипноза, как хирурги без хлороформа или эфира. Стоит только вспомнить, сколько тысяч безнадежных случаев нервного шока и травматических неврозов во время последней войны⁷ удалось излечить этим способом как по мановению волшебной палочки. В подавляющем большинстве случаев бывает вовсе не нужно прибегать к гипнотическому сну и выключению сознания. Врач, достаточно знакомый со сложностями этого метода и разбирающийся в психологии (эти два условия необходимы для успеха), как правило, добивается хороших, а порой и поразительных результатов, используя только так называемое «внушение в состоянии бодрствования». Школа Нанси утверждает, что гипнотический сон ничем не отличается от естественного. Это не так. Мы пока еще не знаем, что такое гипнотический сон, и поэтому прибегать к нему во время лечения следует лишь при крайней необходимости. Высказав это предостережение, я хотел бы добавить, что большинство обвинений против гипноза весьма преувеличены. Мне неизвестен ни один подтвержденный случай, когда человек совершил бы преступление под влиянием постгипнотического внушения. Я ни разу не видел, чтобы загипнотизированный сделал то, что отказался бы сделать при обычных обстоятельствах. Я утверждаю, что если и найдется негодяй, который с помощью гипноза заставит женщину отдаться ему, это означает только одно: она уступила бы его домогательствам и без всякого гипноза. Слепого подчинения не существует. Загипнотизированный всё время прекрасно сознает, что происходит, и отдает себе отчет в том, чего он хочет, а чего нет. В Нанси знаменитая сомнамбула профессора Льежуа – Камилла сохраняла равнодушие и неподвижность, когда ей протыкали руку булавкой или клали на ладонь раскаленный уголь, но стоило профессору сделать вид, будто он хочет расстегнуть ей блузку, как она краснела и тотчас же просыпалась. Это лишь одни из множества примеров тех необъяснимых противоречий, которые знакомы всем, кто серьезно изучал гипнотические явления и которые совершенно непонятны непосвященным. Люди, любящие бить тревогу, должны помнить, что ни один человек, который этого не хочет, не может быть загипнотизирован. Утверждение, будто человека можно загипнотизировать против его воли и на расстоянии – это полная чепуха. Как и психоанализ.

§11. Мгновенная оценка

Аксель Мунте придерживается в целом правильных взглядов о гипнозе. Его слова полностью согласуются с тем объяснением сущности гипноза, которое мы дали выше. Некоторая

⁷ МОИ: Имеется в виду Первая мировая война.

связь между гипнозом и истерией всё-таки существует, так что Шарко если и не во всем прав, то всё-таки уловил некоторый отблеск истины. (Об этом мы поговорим еще в будущем).

Мунте оставил без ответа свой главный вопрос:

Что за таинственная сила исходила из моей руки? Каков был ее источник? Зарождалась ли она в моем мозгу, хотя и вне моего сознания, или это были всё те же магнетические флюиды старинных последователей Месмера? (..) Кажется, мы должны согласиться, что главное – не гипнотизер, а подсознание гипнотизируемого. Но как же тогда объяснить, почему один гипнотизер добивается успеха там, где другой терпит неудачу? Почему внушение одного гипнотизера проникает как приказ в скрытые глубины подсознания гипнотизируемого и приводит в действие тающиеся там силы, тогда как то же внушение, но исходящее от другого человека, парализуется сознанием субъекта и остается втуне? Я больше многих хотел бы знать ответ на эти вопросы, ибо еще в отрочестве обнаружил, что в чрезвычайно высокой степени обладаю этой способностью, называйте ее как угодно.

Всякий раз, когда встречаются два субъекта (и не только два человека, но и человек и животное и двое животных) – всякий раз происходит оценка одного субъекта другим (с обеих сторон). Эта оценка (обычно очень быстрая – почти мгновенная) производится многими мозговыми программами и по многим параметрам. Устанавливается субординация субъектов – иногда согласная с обеих сторон, иногда конфликтная – устанавливается доверие или недоверие, опасность или дружелюбие и т.д. Большинство оцениваемых этими программами параметров «не осознаются» субъектом, т.е. не фиксируются в Хронике и поэтому не могут быть проанализированы другими программами (генерирующими объяснение происходящему).

Большинство субъектов, встречающихся с Акселем Мунте, в своей мгновенной оценке признавали его субъектом, во-первых, стоящим по рангу (психологическому, не общественному) выше самого оценщика и, во-вторых, субъектом, которому можно довериться. Это и обеспечивало ему «таинственную силу» гипнотизера. А его друга, тоже шведского врача Норстрема, мгновенная оценка признавала, во-первых, рангом ниже, и, во-вторых, субъектом опасным. В одном месте книги Мунте называет ладони Норстрема «колоссальными» и говорит о буграх «величиной с апельсин» у основания больших пальцев. Видимо, Норстрем был очень большого роста; неудивительно, что люди «инстинктивно» боялись его, а его интеллекту не доверяли. Поэтому он и не мог никого загипнотизировать.

Животные тоже ведут подобную оценку, хотя и по несколько другим критериям, чем люди. Мунте внушал доверие и животным.

§12. Парапсихология у Ротенберга

В последней главе своей книги (МОИ [№ 12](#), §31) Ротенберг, оговорив особый характер этой главы, касается парапсихологии. Он пишет:

Один известный кинорежиссер рассказывал мне, что в час трагической и случайной гибели его жены он увидел во сне, что навстречу ему идет женщина, и когда она приблизилась и прошла мимо, он с ужасом рассмотрел у нее пустые глазницы вместо глаз. «Я разбудил отца (свидетель!), – сказал кинорежиссер, – и сказал ему, что видел во сне смерть. Мы посмотрели на часы, и я вновь, хотя и с трудом, уснул». Впоследствии выяснилось, что час гибели и час сновидения совпали.

Подобные истории рассказываются часто, но, как правило, если их удастся проверить, то на самом деле всё оказывается иначе, чем у рассказчика. (См., напр., историю с судьей Хорнби: §107 МОИ [№ 3](#), стр.118).

Лишь очень небольшая часть людей способна точно фиксировать обстоятельства дела (и у нас нет уверенности, что упомянутый Ротенбергом кинорежиссер принадлежал к этому ничтожному меньшинству; наоборот, мы скорее можем ожидать, что, как личность художественная, он НЕ обладал строго научным мышлением). Как правило, подобные мифы создаются «задним числом», т.е. они возникают не в самый момент происшествя, а через некоторое время. Память рассказчика рисует события НЕ такими, какими они были на самом деле, а такими, какими он их воображает; рисует его собственную конструкцию. Очень скоро он начинает верить в истинность этой своей конструкции, в дальнейшем уже считая ее воспоминаниями.

Так создается большинство этих рассказов. При проверке (если она была бы возможна), может оказаться, что отец (свидетель!) ничего не знает о таком событии, и что его никто не

будил ночью (вообще само по себе очень маловероятно, чтобы взрослый человек, мужчина, будил своего отца посреди ночи из-за какого-то сновидения, на тот момент не связанного ни с каким значительным происшествием; один этот момент уже делает весь рассказ практически недостоверным!); возможно, что женщину без глаз кинорежиссер видел во сне совсем в другую ночь (скорее всего, уже после смерти жены и именно в результате этой смерти) и т.д., а потом его память переиначила всё таким образом, чтобы получилась впечатляющая история.

Так создается большинство этих историй, но некоторые могут быть и результатом совпадений.

В жизни бывают самые удивительные совпадения. Со мной такие бывали несколько раз; одно последнее я специально отметила и запомнила, чтобы когда-нибудь привести в полемике со сторонниками сверхъестественного. (Вот, теперь и привожу).

Несколько лет назад я однажды взяла почитать «Мастера и Маргариту» Михаила Булгакова – может, двадцатый или тридцатый раз. И вот, лежу на диване и читаю. Из соседней комнаты через закрытую дверь слышен телевизор – там моя семья что-то смотрит. Время от времени можно разобрать отдельные произносимые по телевизору фразы.

И вот, я читаю о том, как Степа Лиходеев со страшного похмелья просыпается в своей комнате и обнаруживает рядом с зеркалом Воланда. Далее идет их разговор и наконец это место:

Степа набрал номер в кабинете финдиректора Варьете Римского. Положение Степы было шекотливое: во-первых, иностранец мог обидеться на то, что Степа проверяет его после того, как был показан контракт, да и с финдиректором говорить было чрезвычайно трудно. В самом деле, ведь не спросишь его так: «Скажите, заключал ли я вчера с профессором черной магии контракт на тридцать пять тысяч рублей?» Так спрашивать не годится!

И именно в тот момент, когда я прочитываю фразу «тридцать пять тысяч рублей», в соседней комнате телевизор произносит: «тридцать пять тысяч рублей». От удивления я встала, открыла дверь и спросила, что они смотрят. Оказывается, они смотрели фильм «Ночное происшествие» (советский фильм 1980 года, студия им. М. Горького, по мотивам повести В. Морозова, автор сценария В. Бахнов, постановка В. Дормана, в главной роли преступницы – Галина Польских). Позже я специально посмотрела этот фильм с флешки. Да, там под конец фильма, на 84-й минуте, когда преступницу в поезде арестовывают, сыщик-следователь произносит:

«Несколько месяцев назад на строительстве под Иркутском пропал кассир, некто Худякова Валентина Николаевна. Это случилось в день зарплаты, и вместе с кассиром исчезли тридцать пять тысяч рублей».

И надо же было этим двум вроде бы никак между собой не связанным тридцати пяти тысячам рублей встретиться в одно и то же мгновение в моей голове! Какова вероятность такого совпадения?

Если событие такой невероятности произошло бы между сновидением и былью, то это однозначно было бы признано доказательством проскопической способности сновидения.

Ротенберг рассказывает и другие подобные истории:

Одна моя пациентка рассказала мне, что ее реактивная депрессия началась после страшной истории. Однажды муж разбудил ее и рассказал, что только что видел во сне, как его зарезал во дворе маньяк. Она постаралась его успокоить, а когда утром он понес во двор мусор, на него напал психически больной и убил ударом ножа.

И опять невозможно проверить, действительно ли было именно так, или это ретроспективная конструкция психически нездоровой женщины.

Еще один рассказ Ротенберга:

У меня у самого было «пророческое» сновидение, хотя и не трагическое. Мне приснилось, что я упал рядом с домом, мои очки свалились и разбились. На следующее утро, в двух шагах от дома, я упал, поскользнувшись, и мне показалось, что я вернулся в сновидение, ибо очки раскололись о лед.

В принципе и сам Ротенберг может ретроспективно конструировать искаженную версию событий. Но в данном случае наиболее вероятным представляется, что мозг Ротенберга (во сне)

просто-напросто прогнозировал почти что неизбежные события. Вряд ли в тот день, когда разбились его очки, «скользящая» погода стояла первый день. Возможно, что и в предыдущие дни была гололедица и он уже до этого не раз поскальзывался, хотя и не столь кардинально. Видимо, он носил обувь, не приспособленную к такой погоде и легко скользящую. Далее, не удовлетворившись собственным женским опытом, я опросила несколько мужчин, носящих очки с детства, и задала им вопрос: был ли у них в жизни случай, когда они падали на лёд (у всех, конечно, был) и при этом у них слетали очки (ни у кого не было). Следовательно, Ротенберг носил очки, которые весьма плохо держались у него на носу.

Итак: несколько дней стояла гололедица, Ротенберг носил скользящую обувь и очки, едва державшиеся на его лице. Его мозг всё это знал. И (при наличии предварительных порывов) прогнозировал вероятное событие. Которое и произошло.

Далее Ротенберг пишет:

В свое время, после какого-то интервью в газете, где я робко заметил, что нельзя отрицать все факты пророческой роли снов, я получил десятки писем читателей с описанием аналогичных случаев, и в нескольких письмах фигурировали свидетели, которым люди рассказывали сны до их осуществления.

Таких историй, как рассказанная мной выше о тридцати пяти тысячах рублей, только в моей жизни было несколько. Можно ожидать, что и у других людей они встречаются примерно с такой же частотой. Следовательно, среди миллионов людей можно собрать миллионы историй о невероятных совпадениях. Некоторая доля этих совпадений придется и на совпадения между снами и действительностью. Так что одними только совпадениями можно объяснить все услышанные Ротенбергом истории о «пророческих снах».

Но помимо совпадений здесь «в игру» вступают и факторы еще более мощные. Это уже упомянутые выше ретроспективные конструкции, (неосознанно) выдаваемые за воспоминания; далее, это и сознательные мистификации с целью розыгрыша или с целью выделиться, привлечь к себе внимание (а в некоторых случаях и с целью получить материальные выгоды, выдавая себя за «ясновидящего» и т.п.). Среди сотни миллионов людей имеются миллионы истерических личностей, готовых сочинить всё, что угодно, лишь бы выделиться.

Поэтому подобные истории, даже если их миллионы, абсолютно ничего не доказывают.

Упомянутыми факторами можно объяснить все имеющиеся истории о «вещих снах». Но, с другой стороны, наличие таких объяснений тоже само по себе еще не доказывает невозможность наличия действительных парапсихологических явлений.

Далее Ротенберг рассматривает их принципиальную возможность:

Можно предположить, что строгие причинно-следственные отношения в реальном мире, доступные анализу, действительно отсутствуют: будущее есть результат взаимодействия такого неисчислимого множества связей между предметами и явлениями, такого их сложного переплетения, что спрогнозировать при этом однозначный конечный результат представляется невозможным. Но ведь анализ, приводящий к однозначному результату – это функция только левого полушария мозга. И только для него ориентация в неисчерпаемом обилии связей является непосильной задачей, неизбежно приводящей к выводу об отсутствии закономерностей и доминировании случайностей. Сложная сеть реальных взаимосвязей, определяющая будущее, не вмещается в жесткие координаты логического мышления, выскальзывает из них и создает впечатление недетерминированности. Но правополушарное образное мышление просто не пользуется этой сеткой координат и для него реальные переплетения связей не выглядят ни излишне сложными, ни внутренне противоречивыми. И потому правое полушарие способно охватить эти связи во всем их объеме в такой умопомрачительной полноте, что в результате возможно прогнозирование будущего.

Первое, что нужно сказать об этих словах: в них смешаны и не разделяются две вещи:

- 1) Наличие строгих причинно-следственных отношений в реальном мире;
- 2) Возможность для субъекта эти отношения отобразить.

У Ротенберга первое плавно превращается во второе; из невозможности второго следует отсутствие первого.

Выводы здесь зависят от принятых постулатов; при наших (ВТ) постулатах реальный мир строго детерминирован (1-й пункт), но отобразить все связи (2-й пункт) субъект не может в полной мере, потому что действует Закон Эшби: «Отображающая система должна иметь разнообразие не меньшее, чем разнообразие отображаемой системы».

В силу Закона Эшби ни правое, ни левое полушарие НЕ МОЖЕТ однозначно предсказывать будущее. Работа обоих полушарий отличается теми алгоритмами, которые в них используются, но перешагнуть через Закон Эшби не может ни то, ни другое.

§13. Правое и левое полушарие

Роль правого и левого полушария мозга в современной психологической и физиологической литературе отображается как-то неверно, искажая пропорции и не доходя до глубинного смысла (ярким примером этого явления может послужить книга Вадима Ротенберга, воспроизведенная в МОИ [№ 12](#)). У этих авторов получается так, как будто сущность органа «сердце» определяется тем, что оно находится с левой стороны грудной клетки, а сущность органа «печень» тем, что она в правой стороне живота.

Ясно, конечно, что сердце – это (биологический) насос, гоняющий кровь по организму, а печень – химическое очистительное устройство, и что теперешнее размещение этих аппаратов в теле человека в общем-то случайно: конструкция человека (с теми же функциями) могла бы быть и совершенно другой, и если мы хотим рассматривать явление в его общем виде, то мы должны понимать и говорить, что принципиальная конструкция организма требует наличия в нем насоса и очистительного устройства, и не акцентировать внимание на локализацию этих устройств в одной конкретной реализации Системы.

Точно такое должно быть наше отношение и к психическому устройству человека (т.е. к программному обеспечению Системы – которое в дальнейшем я называю «программатурой»). Не важно, правое это или левое полушарие – это не принципиально. А важно, что в программатуре человека вообще должны быть блоки, осуществляющие то, что Ротенберг называет «пространственно-образным» и «вербально-логическим» «мышлением». Эти названия довольно расплывчатые и неточные; более точную постановку вопроса разберем на примерах, которые сейчас и рассмотрим. Вот, Ротенберг пишет (§7, с. 34–35):

Очень интересный материал для размышлений дали эксперименты с временным «выключением» поочередно левого и правого полушария, без предварительного рассечения мозолистого тела. Такие выключения осуществляют с помощью электрических шоков у больных с психическими заболеваниями. Проф. В.Л. Деглин из Санкт-Петербурга предлагал своим испытуемым во время такого лечения логические задачи типа: «Все обезьяны могут лазить по деревьям. Енот – обезьяна. Может ли енот лазить по деревьям?» Когда после электросудорожной терапии к больному возвращалась возможность отвечать на вопросы (хотя одно из полушарий еще оставалось намного более угнетенным, чем противоположное), те, у кого выключали левое полушарие, отвечали на этот вопрос отрицательно, а те, у кого подавляли правое полушарие – положительно. Это отнюдь не значит, что люди с выключенным правым полушарием и сохранной функцией левого и впрямь могли вообразить енота, карабкающегося по деревьям.⁸ На прямой вопрос, представляют ли они себе это, они отвечали отрицательно. Но они строго и слепо следовали формальному условию задачи, не задумываясь о степени соответствия этих условий реальности: раз сказано, что енот – обезьяна, а обезьяны лазают по деревьям, значит, и енот может это делать. Из этого эксперимента с очевидностью следует, что левое полушарие гораздо более ориентировано на логические конструкции, чем на живую реальность.

Слова о «строгом и слепом следовании формальному условию задачи» здесь напрасны. Правильная постановка вопроса такова. В этом примере перед мозгом испытуемых двумя вопросами были поставлены две задачи:

1) Сгенерировать ответ на слова «Все обезьяны могут лазить по деревьям. Енот – обезьяна. Может ли енот лазить по деревьям?» (это классический аристотелевский силлогизм с неверной второй посылкой).

2) Представить себе енота, лазающего по деревьям.

Для решения первой задачи мозгу нужно было сгенерировать программу (обозначим ее А), которая анализирует данный силлогизм и генерирует ответ на поставленный вопрос. Для

⁸ **МОИ:** Эта постановка вопроса сама по себе довольно странная. Многие енотовые (*Procyonidae*) «ведут древесный образ жизни» (БСЭ-3, т.9, с.87), в том числе енот обыкновенный (*Procyon lotor*) «обитает в лесах, ведет ночной образ жизни, дневные часы проводит в логове, которое устраивает в дуплах деревьев» (БСЭ-3 там же). Так что хотя енот и не обезьяна, но по деревьям он всё-таки лазает. (Может быть, перепутали с енотовидной собакой – *Nyctereutes procyonoides* – которая обитает в норах в земле?).

решения второй задачи надо было включить Пиктор, о котором мы говорили выше в §5. Каждой из этих задач ниже посвящается отдельный параграф.

§14. Силлогизм

Итак, по словам В. Розенберга профессор В.Л. Деглин из Санкт-Петербурга преподносил своим пациентам две посылки (посылки) силлогизма, а потом задавал вопрос, заставляющий делать из этих посылок умозаключение. Попробуем представить себе, какие действия (принципиально) нужно проделать информатической системе (такой, как мозг), чтобы решить эту задачу (ответить на вопрос). На Рис.6 показана принципиальная схема обработки первой посылки мозгом (или другой операционной системой, способной справиться с такой задачей).



Рис. 6. Обработка большей посылки силлогизма

На вход Системы поступает фраза «Все обезьяны могут лазить по деревьям». Она декодируется блоком, называемым у нас «Декодер речи». В результате декодирования словесной фразы строится структура данных, кодирующая ее смысл. Эта структура должна содержать по крайней мере три элемента (лучше сказать – три подструктуры):

- 1) подструктура, кодирующая множество «Обезьяны»;
- 2) подструктура, кодирующая предикат «Лазят по деревьям»; и
- 3) подструктура, кодирующая квантор общности «Все».

Чтобы не выдумывать для этих подструктур новые слова-названия (в ВТ их и так предостаточно), мы называем эти вещи так, как они называются в математике («математической логике»): «множество», «предикат», «квантор общности» (\forall). Но надо только понимать, что в математике природа этих объектов остается нераскрытой, они никак не привязаны к физическому миру. У нас же такая привязка есть: это структуры данных в вычислительной системе (системе обработки информации), с одной стороны порожденные (построенные) предыдущими программами (Декодером речи), а с другой стороны, в будущем эти структуры данных станут исходной информацией для дальнейших программ (для Программы А, Рис.8).

Каким образом кодируется множество, предикат и квантор общности? Конечно, в мозге это структуры клеток (нейронов) или даже структуры субклеточных элементов (для нас это в общем-то не важно, как именно они кодируются). В промышленном компьютере способ кодировки этих структур определит программист. Видимо, это будут какие-то «таблицы», содержащие какую-то информацию. (Естественным решением программиста будет привязка к таблице Множества исходного вербального слова «Обезьяны», установка связей этой таблицы с хранящимися в

памяти другими таблицами, построенными ранее в других контекстах и тоже связанные со словом «Обезьяны» – и т.д.).

Аналогично обстоит дело с предикатом («Лазят по деревьям»). Эту таблицу тоже надо связать с хранящимися в памяти другими таблицами, где тоже описывалось лазание и присутствовали деревья. Таблица квантора общности должна быть распознаваема программами системы (хранящимися в библиотеке заготовок, из которой потом будет генерироваться программа *A*): наличие этой таблицы для алгоритма программы *A* будет означать охват всех элементов обрабатываемого множества (в данном случае множества «Обезьяны»).

Такова в основных чертах обработка Системой первой посылки силлогизма. Но речевой поток идет дальше, и поступает следующая фраза: «Енот – обезьяна». Ее обработка схематически изображена на Рис.7.

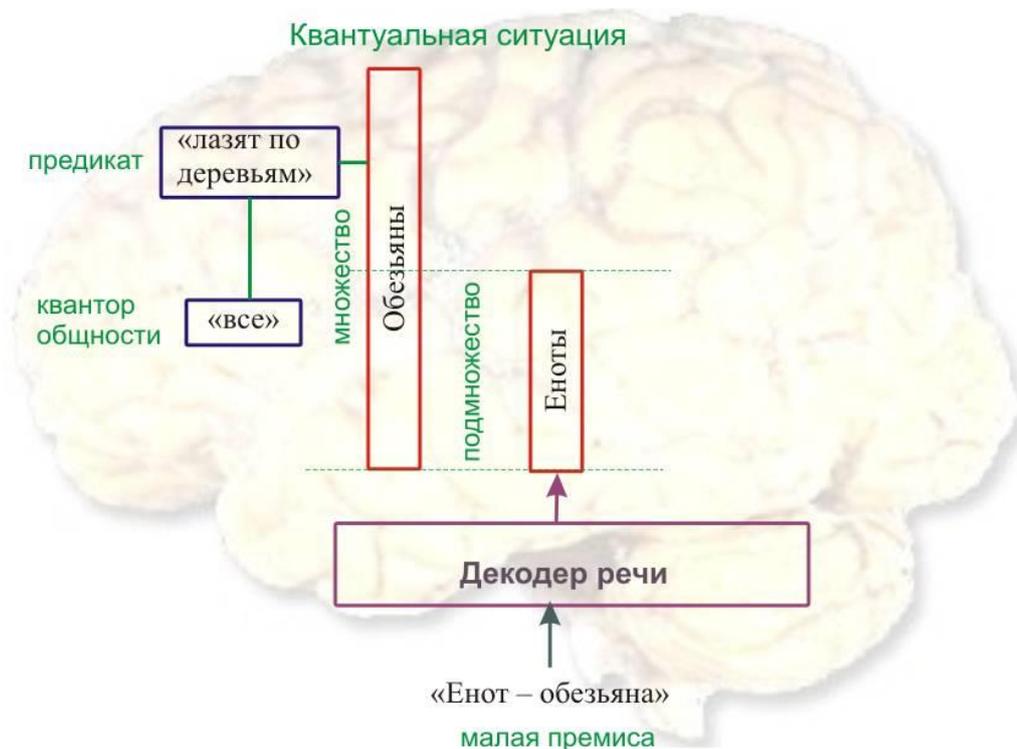


Рис. 7. Обработка меньшей посылки силлогизма

Декодер речи теперь строит вторую структуру, кодирующую множество («Еноты») и, расшифровав смысл сказанного, устанавливает между множеством «Обезьяны» и множеством «Еноты» ту связь, что второе является подмножеством первого.

Мы опять используем термины, принятые в математике; мозг, выполняющий описанные здесь операции, может не знать этих терминов и даже не знать вообще о существовании математики. Но само соотношение между объектами такое, что один входит в состав другого, известно не только всем людям, но и даже животным. Вот, это соотношение и устанавливается при дешифровке слов «Енот – обезьяна».

Все построенные структуры (оба множества, их соотношения, предикат, квантор, а в общем случае и другие элементы) вместе создают для мозга картину (им отображаемую), и эта картина у нас называется «Квантуальной ситуацией».

Когда Квантуальная ситуация отображена (построены все элементы, ее кодирующие), в Систему поступает вопрос: «Может ли енот лазить по деревьям?». Общая схема обработки этого предложения показана на Рис.8.

Декодер речи идентифицирует поступившие слова как призыв к Системе генерировать ответ на эти слова, и если нет особых причин для бойкотирования Системой этого призыва, то принимается решение запустить генерацию ответа.

Как всякое действие, выполняемое Системой, генерация ответа на вопрос требует наличия в Системе программы, выполняющей эти действия (выше мы эту программу обозначили: *A*).



Рис. 8. Обработка вопроса по силлогизму

Но программы *A* в готовом виде в Системе нет. Поэтому она должна быть создана (путем самопрограммирования). Блок Системы, выполняющий создание необходимых ей новых программ, мы называем «Генератором программ». После принятия решения о том, что ответ вообще надо генерировать, включается Генератор программ и начинается создание Программы *A* (которая будет генерировать ответ на конкретный заданный Системе вопрос).

Конечно, сгенерировать Программу *A* (тем более в сроки, укладывающиеся в темпе обычного разговора) было бы для Системы невозможно, если у нее не существовала бы обширная библиотека заготовок, которую Система копила и наращивала всю жизнь: и в утробе матери, и в младенческой коляске, и в школьные годы, и в студенческие, и во взрослой жизни...

У нормального человека, как правило, уже есть заготовка Программы *A*, отточенная в его предыдущих столкновениях с силлогизмами и с подобными квантуальными ситуациями. Поэтому генерация Программы *A* сводится к выбору нужной заготовки и к подкорректированию ее для конкретного случая. (Подключается к ней конкретная квантуальная ситуация – т.е. показанные на Рис.7 структуры, – подключается конкретный заданный вопрос – хранящийся в памяти тоже в виде определенной структуры – и т.д.).

Когда Программа *A* готова, она запускается на выполнение (если нет особых причин, блокирующих ее выполнение – а это решается другими мозговыми программами, «наблюдающими» за ней).

В нашем случае блокирующих действий нет, и Программа *A* производит оценку квантуальной ситуации. Так как множество «Еноты» является подмножеством множества «Обезьяны» (в данной квантуальной ситуации), то предикат «Лазят по деревьям» при наличии квантора «Все» относится также к множеству «Еноты». Это главный вывод, который программа *A* делает при анализе поданной ей на вход квантуальной ситуации. Этот вывод означает ответ «Да» на поставленный ей вопрос. Теперь остается только этот вывод оформить в виде звукового сигнала, т.е. пропустить через Энкодер речи.

Вот принципиальная схема тех действий, которые должна произвести Система при тесте, предложенном ей профессором В.Л. Деглиным из Санкт-Петербурга.

Эти действия называются «вербально-логическими»? Пусть так.

Эти действия осуществляются левым полушарием мозга? Пусть так – хотя это совершенно несущественно для нас. Важен собственно сам состав действий.

Ротенберг пишет:

...Но они строго и слепо следовали формальному условию задачи, не задумываясь о степени соответствия этих условий реальности: раз сказано, что енот – обезьяна, а обезьяны лазают по деревьям, значит, и енот может это делать. Из этого эксперимента с очевидностью следует, что левое полушарие гораздо более ориентировано на логические конструкции, чем на живую реальность. Но в связи с такой ориентированностью левое полушарие больше правого приспособлено к определению однозначных закономерностей и причинно-следственных связей, что необходимо при научном мышлении. Способность к решению формальных силлогизмов, как и активность левого полушария в целом, развивается в процессе школьного обучения. У маленьких детей, как и у народов иных цивилизаций, не знающих нашей системы школьного обучения, доминирует правое полушарие с его ориентацией на реальный мир, не укладывающийся в прокрустово ложе логических законов.



Рис.9. Енот лазает по деревьям
(фото из английской Википедии)

«..Строго и слепо следовали формальному условию..», «..не задумываясь о степени соответствия этих условий реальности..», «..более ориентировано на логические конструкции, чем на живую реальность..», «..ориентацией на реальный мир, не укладывающийся в прокрустово ложе логических законов..»... От тона этих высказываний, от всего способа подачи информации веет таким глубоким непониманием сущности описываемых явлений!

На самом деле есть различные задачи, возникающие перед мозгом, и есть различная программатура для их решения. Вот, выше мы разобрали одну группу программ, задействованных в решении одной задачи.

§15. Пиктор

Теперь рассмотрим вторую задачу, данную профессором В.Л. Деглиным из Санкт-Петербурга своим пациентам.

...Это [то, что правильно обрабатывался силлогизм] отнюдь не значит, что люди с выключенным правым полушарием и сохранной функцией левого и впрямь могли вообразить енота, карабкающегося по деревьям. На прямой вопрос, представляют ли они себе это, они отвечали отрицательно.

Итак, испытуемым было дано утверждение «Енот лазает по деревьям» и задан вопрос, могут ли они это «представить себе» или нет.

Что в Системе означает «представить себе»? Это означает: сгенерировать внутреннюю картинку (т.е. структуру данных) с изображением указанного явления. Функциональный блок, генерирующий в Системе такие картинки из вербальной информации (из слов), называется у нас Пиктором. Когда профессор задает пациенту свой вопрос, в Системе пациента для генерации ответа опять требуется создать программу (эту программу обозначим: программа *B*), и эта программа должна определить, сгенерировал Пиктор картинку или нет. Схематически эти действия, происходящие в Системе, изображены на Рис.10.

«Картинка» (можно сказать также: образ) как структура данных – это стандартное внутреннее представление данных в Системе. Все события запоминаются Системой в виде «кадров», включающих «образы». В наши дни, когда в компьютерах мы рассматриваем фотографии и смотрим фильмы, не может возникнуть вопрос, как компьютер может кодировать изображения. Образы, запомненные Системой, всё же не являются полной и точной картиной явления, подобной, например, JPG файлам промышленного компьютера. Мозг в образе кодирует лишь существенные моменты объекта (почему образ в памяти менее отчетлив, чем непосредственно видимая картина).



Рис. 10. Обработка вопроса о возможности представить себе енота

Задача Пиктора – создать картину (включающую, как правило, несколько образов), в общем случае новую для Системы. То есть, слова, поданные на вход Декодеру речи и далее Пиктору, могут описывать ситуацию, с которой субъект никогда раньше не встречался. Тем не менее Пиктор обычно способен сгенерировать какую-то картину (т.е. субъект как-то всё-таки представляет то, о чем ему рассказывают – пусть даже это представление, значит, картина Пиктора, оказывается сначала совершенно неправильной или даже абсурдной).

Но, разумеется, Пиктор не может генерировать картину «из ничего». Картина генерируется из тех образов, которые имеются в памяти субъекта в кадрах, связанных со словами, фигурирующими в анализируемом (поданном на вход Пиктора) утверждении. В нашем примере Пиктор должен отыскать в памяти образы деревьев, лазания и енота. Образы деревьев и лазания уж точно есть у него в памяти, а с енотом он, может быть, и не имел раньше дела и не знает, как этот зверек выглядит. Однако и в этом случае Пиктор может справиться с работой, если субъект хотя бы знает, что енот вообще-то небольшой зверек. Тогда для генерации картины могут быть использованы образы других небольших зверей, начиная уже с точно знакомой субъекту кошки.

Вторая ветвь данного процесса, т.е. генерация ответа на собственно вопрос, происходит в принципе так же, как и в предыдущем случае, только вместо квантуальной ситуации анализируется ситуация с картинкой Пиктора.

Нам утверждают, что работа Пиктора связана с правым полушарием мозга. Возможно. Но опять это не имеет никакого принципиального значения. Важно, что вообще в мозге как информатической системе есть блоки, способные выполнить работу такого характера.

§16. Скабрёзная картинка

Разберем теперь следующий пример, приводимый Ротенбергом непосредственно вслед за только что разобранным. Ротенберг пишет:

Мозг устроен таким образом, что если зрительная информация предъявляется слева (в левое поле зрения), то она поступает в правое полушарие, а если она предъявляется справа (в правое поле зрения), то она попадает в левое полушарие. Разумеется, при целостном мозге информация, в какое бы полушарие она ни поступила, немедленно, в доли секунды, передается по мозолистому телу в противоположное полушарие. Но что происходит, когда мозолистое тело рассечено? Если при этом информация поступает в левое полушарие, она осознается, и человек без труда выражает свое к ней отношение и в поступках, и в словах. Если же она поступает в правое полушарие, то поведенческая реакция человека может быть адекватной, но он не может объяснить причины своего поведения,

равно как и не может ничего сказать о самой информации, т.е. не осознает ее. Так, одной испытуемой показывали в левое поле зрения серию слайдов с пейзажами.

Внезапно на одном слайде показали очень фривольную, скабрзную сценку, и женщина смущенно засмеялась. На вопрос экспериментатора о причине смеха женщина сначала растерялась, а затем сказала: «У вас здесь какие-то смешные машины».

Этот эксперимент хорошо отражает некоторые важнейшие закономерности организации человеческой психики. Неосознаваемая человеком информация может побудить его к поступкам, истинный смысл которых самому человеку недоступен. Это хорошо известно в психологии со времен Фрейда.⁹ Но для человека неприемлемы условия, при которых он не в состоянии объяснить собственное поведение. Поэтому он всегда находит псевдообъяснение, позволяющее ему оставаться в блаженной уверенности, что он сознательно и произвольно управляет своим поведением.

Принципиальная схема произошедшего в этом эксперименте показана на Рис. 11. Когда испытуемой в левом поле зрения показали «очень фривольную, скабрзную сценку», у нее отработала цепь самопрограммирования, на рисунке обозначенная как «Левая цепь». Была сгенерирована программа *C* для выдачи реакции, и эта реакция состояла в смущенном смехе.



Рис.11. Две цепи самопрограммирования

⁹ **МОИ:** Это было хорошо известно и до Фрейда. Сам Фрейд стал об этом думать после того, как во время его стажировки во Франции он присутствовал при опытах Бернгейма с гипнозом. Например, во время гипноза испытуемому внушили, что после пробуждения в определенный момент он должен взять (чужой) зонтик и выйти с ним на балкон. Испытуемый выполнил это постгипнотическое внушение, и Бернгейм спросил его, почему он пошел на балкон. Испытуемый ответил, что в комнате душно, и ему захотелось подышать свежим воздухом. Тогда Бернгейм спросил его, почему он взял зонтик, и испытуемый ответил, что боялся – может начаться дождь. Тогда Бернгейм спросил, почему он взял чужой зонтик. Испытуемый смутился, покраснел и ответил, что ошибся. Этот и подобные опыты произвели большое впечатление на молодого Фрейда (тогда еще никому не известного), и он в качестве одного из краеугольных камней своего будущего учения взял положение о том, что люди часто (или даже обычно) вообще не осознают истинных причин своих поступков.

Когда испытуемой был задан вопрос, почему она смеялась, он был отправлен к другому полушарию мозга (в силу «компетенции» – туда, где обрабатывается вербальная информация). Там была запущена другая цепь самопрограммирования и сгенерирована Программа *D* для выдачи ответа на поставленный вопрос. Однако программа *D* находилась в трудном положении. В силу рассеченности мозолистого тела и разъединения полушарий мозга, программе *D* была недоступна Левая цепь самопрограммирования, поэтому истинные причины смеха выпали из ее поля зрения и не были проанализированы.

Однако какую-то реакцию генерировать надо было. «Женщина сначала растерялась» – т.е. процесс генерации реакции (ответа на вопрос) затянулся дольше обычного. Видимо, проверялся вариант, не отрицать ли вообще, что смех вообще имел место. Но, по-видимому, и работающее сейчас полушарие (левое) хранило воспоминания о том, что смех действительно был. Поэтому отрицать его нельзя было, и надо было искать для него какое-нибудь более или менее подходящее объяснение. Вот, программа *D* наконец-то и выдала объяснение: «У вас здесь какие-то смешные машины».

Понимание процессов самопрограммирования дает гораздо более точную картину происходящего, нежели рассуждения Ротенберга. «*Неосознаваемая человеком информация может побудить его к поступкам, истинный смысл которых самому человеку недоступен*». Все разговоры о «сознаваемом», «неосознаваемом» и т.д. – это беспомощный лепет по сравнению с точным разговором о мозговых программах.

«Но для человека неприемлемы условия, при которых он не в состоянии объяснить собственное поведение». Дело не в том, что для него «неприемлемы условия», а в том, что от него требуют ответа, и программа *D* должна как-то отработать. Она просто работает в том поле информации, которое для нее доступно – вот и всё.

«Поэтому он всегда находит псевдообъяснение, позволяющее ему оставаться в блаженной уверенности, что он сознательно и произвольно управляет своим поведением». Блаженная уверенность тут не при чем. «Псевдообъяснение» – это в общем-то нормальное объяснение, выработанное при том поле информации, какое было доступно анализирующей программе во время его выработки. В тысячах других случаев мы тоже вырабатываем такие объяснения, какие возможны при доступной нам информации, но впоследствии эти объяснения оказываются неправильными, когда поступает более точная и более полная информация. Дело не в том, что эти объяснения «псевдо», а в том, какая информация была доступна во время их выработки.

§17. «Неосознанное поведение с учетом ситуации»

Берем дальше цитаты Ротенберга:

Ученые показали, что правое полушарие здоровых людей «схватывает» любую информацию чуть-чуть быстрее, чем левое. В целом мозге именно правое полушарие собирает информацию со всего пространства, и с левой, и с правой его половины. Правое полушарие быстрее и успешнее левого опознает сложную, неоднозначную информацию (такую, как выражение человеческого лица). (...). Когда человек попадает в условия, требующие экстренного принятия решения и немедленных действий с учетом всей сложной и многоплановой ситуации, он часто совершает все необходимые поступки до их реального осмысления и анализа.

Более того, после окончания этих действий он часто не в состоянии их перечислить и изложить их последовательность. Осуществляется неосознанное поведение, но с учетом всех ключевых аспектов ситуации.

Разговоры об «осознанном» и «неосознанном» поведении вообще являются бессмыслицей, и эти понятия должны быть выкинуты из арсенала научной психологии – они только запутывают употребляющего их автора и не дают ему построить реальную картину ситуации.

Правильный подход к затронутым в этой цитате Ротенберга вопросам состоит в следующем:

1. В экстренной ситуации (как и в не экстренной) от мозга требуется сгенерировать (и потом выполнить) программы реагирования. Разница между экстренной и не экстренной ситуацией заключается только в том, что временные интервалы между обнаружением ситуации, генерацией программы реакции и выполнением этой программы должны быть минимальными, в то время как в не экстренной ситуации все эти процессы можно растягивать.

2. Выполняется ли эта работа правым или левым полушарием, это в общем-то несущественно с точки зрения конструирования Системы.

3. В нормальных условиях Система записывает в память (в Хронику) информацию о своих действиях. В экстренной ситуации интервалы между обнаружением ситуации, генерацией программ реакции и выполнением этих программ могут быть такими короткими, что Система не успевает зафиксировать в Хронике свои действия. В таком случае человек потом не будет помнить, что и как он делал (и Ротенберг скажет, что этот человек действовал «неосознанно», хотя запись в память есть вторичное и несущественное дело для аппарата самопрограммирования; собственно этот аппарат действовал как всегда, хотя и с максимальной скоростью).

(Идет создание сборника;
Продолжение следует)

Научно-популярное издание
«Мысли об Истине»
Выпуск № 13
Сформирован 2 июля 2014 года (препринт)

Все читатели приглашаются принять участие в создании альманаха МОИ и присылать свои статьи и заметки для этого издания по адресу: Marina.Olegovna@gmail.com. Если присланные материалы будут соответствовать направлению Альманаха и минимальным требованиям информативности и корректности, то они будут опубликованы в нашем издании.

Основной вид существования Альманаха МОИ – в виде PDF-файлов в Вашем компьютере. Держите все выпуски МОИ в одной папке. Скачать PDF-ы можно с разных мест в Интернете, и не важно, откуда номер скачан. В Интернете нет одной фиксированной резиденции МОИ.

Содержание

<i>Марина Ипатьева. Сущность гипноза</i>	2
§1. Введение	2
§2. Критерий удовлетворительной концепции	2
§3. Две начальные проблемы	4
§4. Гипнотический транс.....	5
§5. Гипнотическое внушение.....	7
§6. Постгипнотическая амнезия	9
§7. Постгипнотическое внушение	11
§8. Катаlepsия.....	13
§9. Сущность гипноза объяснена	13
§10. Аксель Мунте о гипнозе.....	13
§11. Мгновенная оценка	20
§12. Парапсихология у Ротенберга	21
§13. Правое и левое полушарие.....	24
§14. Силлогизм.....	25
§15. Пиктор.....	28
§16. Скабрёзная картинка.....	29
§17. «Неосознанное поведение с учетом ситуации»	31
Содержание	33